

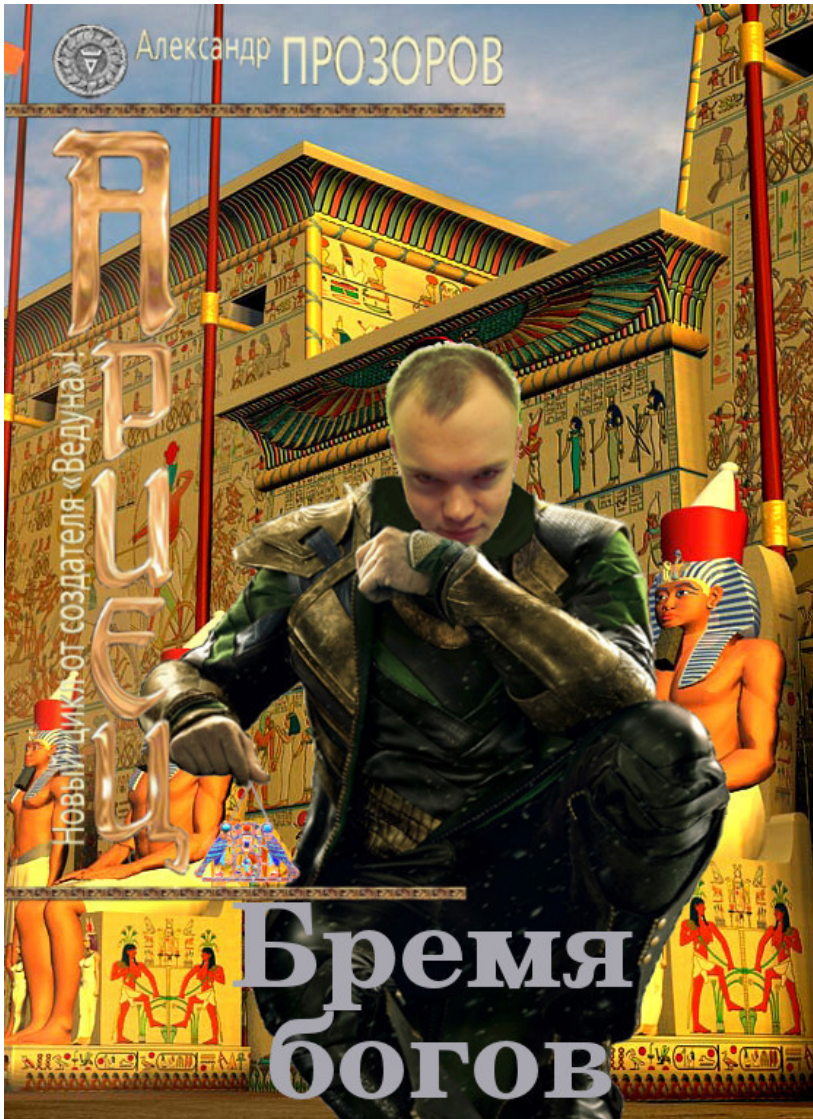

Александр ПРОЗОРОВ

А
Р
И
Е
Н

Новый цикл от создателя «Ведуна»

Время
богов

Александр Дмитриевич Прозоров

Бремя богов

Серия «Ариец», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Ровно сто поколений назад, в девятом веке до нашей эры, великой богине Купаве пришлось вступить в войну против армии оборотней. Потомки Сварога уже находились на грани разгрома, когда из далекого будущего, из XXI века, к ним на помощь пришел могучий колдун, воспитанный братством Купавы именно для этой войны.

Пятый избранник заколдованного кречета, в отличие от своих товарищей, оказался готов к участию в битвах богов. Ведь братство великой Купавы всю жизнь учило Степана магии и умению сражаться, искусству прорицания и охоты – дабы молодой чародей смог подобраться к повелителю оборотней вплотную и убить злого врага.

Братство не учло только одного. Того, что оборотни способны стать их воину друзьями.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	30
Запретное желание	30
Глаза кречета	77
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Александр Проzorов

Бремя богов

Пролог

В сей ясный летний день городу Нехебту из второго нома наконец-то повезло. Ветер дул с берега, со стороны сверкающего полноводного Нила, принося столь редкостную в земле Та-Кем прохладу – и потому даже под полуденным солнцем горожане могли спокойно ходить по сухим просторным улицам, по тенистым скверам, делиться новостями или толкаться на изобильном обширном торге – с четырьмя рядами лотков под навесами из крашеной парусины, с высокими стенами, с шестью входами, на каждом из которых стояло несколько пожилых воинов, принимающих плату за посещение рынка или за право выставить здесь свой товар; с кирпичным возвышением для глашатаев и представлений ближе к северному краю. В центре рынка оставалась свободная площадь примерно сто на сто шагов – так что здесь могли проводиться еще и собрания горожан, общие праздники или судебные разбирательства.

Но в этот день торг оставался просто торгом...

Который, кстати, отличался невероятным богатством и разнообразием. Ведь помимо привычных для всех селе-

ний земли Та-Кем фиников, ячменя и хлеба, льняных тканей, медных котлов, каменных топоров и кетменей, золотых украшений и серебряной посуды – на здешних прилавках лежали меха и шелка, янтарь и нефрит, соль и курага, редкостные аркаимские ножи из темно-красной бронзы, славящиеся своей красотой и ценящиеся дороже самых ярких индийских самоцветов, и даже тончайшие и прочные железные иглы из вовсе сказочной Гипербореи, о каковой храмовые мудрецы сказывали невероятные истории про белые пуховые одеяла размером в целые поля, про дни и ночи длиною в полгода, про бесчисленные моря и реки, полные прозрачной сладкой воды, про хрустальные горы и про огромных зверей, покрытых густым мехом и бродящих по холодным лесам, не имеющих ни конца, ни края...

Столь редкостным товарам здешние купцы были обязаны идущему через Нубийскую пустыню караванному пути от порта Рыбья деревня на Красном море. Не столь знаменитому, как тропа Вади-Хаммамат – но вполне достаточно, чтобы сделать Нехебт самым интересным рынком на много дней пути вверх и вниз по обоим берегам Нила.

Именно торг, а вовсе не возделанные поля, золотые рудники и глиняные ямы, сделал город обширным и зажиточным, позволил местным жителям обзавестись сотнями кирпичных домов, окруженных уютными зелеными садами с прудами и кирпичными же заборами. И именно поэтому главным храмом города был храм великого Хапи – всесиль-

ного бога воды, от воли и благосклонности которого зависела полнота родников, ручьев и колодцев, что даровали путникам жизнь на длинном караванном пути.

Дабы доказать богатство Нехтеба, достаточно сказать, что здесь торговали даже рабами!

Ведь как известно, к священной земле Та-Кем дозволено прикасаться только избранникам богов – а потому иноземцам ни под каким предлогом не позволялось возделывать поля по берегам Нила! Под страхом мучительной смерти любым чужакам издревле запрещено вонзать мотыги или лопаты в омытую водами разливов и богатую жирным илом пашню! А раз так – рабов использовали только в самых богатых домах, и только в качестве слуг, охранников или скотников. Ну и, само собой – на рудниках.

Однако в шахты и каменоломни пригодные для работы невольники попадали напрямую – после военных побед гривноносной богини Сехмет или волей фараона. Бедолаги, плененные в во время походов во враждебные, чужие или просто дикие земли, не покупались и не продавались. Они считались мертвыми с момента попадания в полон – и на шахтах всего лишь обреченно завершали назначенный судьбою путь от часа рождения до темного царства смерти...

Впрочем, для работы в домах номархов и писцов, торговцев и военачальников сей обыденный люд – жалкая изможденная солдатня – все равно не годился. Богачи желали иметь в своих дворцах товар редкостный, необычный: рабов

белокожих или узкоглазых, мохнатых или карликов, хотели наложниц рыжих или беловолосых, большеглазых или бледных и круглолицых, как дневная Луна.

Вот и на этот раз на сложенный из необожженного кирпича помост торговец вывел четырех невольниц самого необычного вида: крохотную женщину с широкими бедрами и большой грудью, с кожей цвета спелой пшеницы, с черными волосами, круглым лицом и узкими, как щелочки, глазами. Рабыню привезли из столь далеких краев, что никто даже не знал, к какому народу она принадлежала. А вот огромную смуглую красавицу рядом с нею, несомненно, доставили из Индии – такие огромные синие глаза под смолисто-черными бровями случались только в тамошних краях. Еще двумя невольницами были заморские северянки: хрупкие девочки, словно вырезанные из слоновой кости, совсем еще юные. Зато – рыжая и беловолосая. За такой набор, коли повезет, можно получить полуторную цену.

Шедшие следом мужчины тоже вызывали изумление своим обликом. Два желтокожих курчавых гиганта, рядом с которыми семенил узкоглазый коротышка; молодой скиф, весь покрытый вычурными татуировками; несколько хорошо сложенных горцев с характерными острыми подбородками и большими горбатыми носами. Самым же последним, с любопытством крутя головой, поднялся по ступеням полуобнаженный парень с замшевой курткой через плечо, в замшевых же штанах, коротких сапожках и с пальмовым листом на го-

лове. Но самое невероятное – он обладал светящейся кожей нежно-голубого цвета! Причем кожа не лоснилась под солнцем от густого слоя масла, не сияла тонким нежным пушком, не сверкала капельками пота – она светилась изнутри, пусть слабо, но явственно, хорошо заметно даже при скользющем поверхностном взгляде!

– Сколько хочешь за голубого?! – почти сразу спросили торговца из толпы на площади.

– Три меры бисера! – вскинул ладонь с растопыренными пальцами сухой сгорбленный египтянин с медно-красной кожей. Солидный достаток купца доказывали тонкая льняная туника с золотой вышивкой на плечах и несколько тяжелых перстней на пальцах.

– Так три или пять? – не понял задавший вопрос толстяк.

– Даю пять! – внезапно крикнули с другого края площади.

– Шесть! – отозвались от лотков с финиками.

– Семь!

– Восемь!

– Десять! – предложил невысокий старик в простенькой тунике, за спиной которого маячили двое черных, как обсидиан, нубийцев, вооруженных короткими копьями, украшенными наконечниками из вулканического стекла.

– Одиннадцать! – попытался торговаться толстяк.

– Пятнадцать! – небрежно поставил точку в споре старик и, щелкнув пальцами, указал телохранителям на помост: – Заберите раба. За платой зайдешь ко мне.

Последние слова, понятно, относились к торговцу. Нубийцы же, расталкивая толпу, решительно двинулись вперед выполнять приказ.

— Благодарю за щедрость, досточтимый номарх! — низко поклонился и без того сгорбленный египтянин. — Благодарю за снисхождение!

Тем временем телохранители старика поднялись по ступеням к товару, один из них положил сильную ладонь на шею голубого невольника.

— Вы чего творите, черномазые?! — Раб извернулся, и могучий нубиец неожиданно для всех кувыркнулся с помоста прямо в толпу. — Я вам что, поросенок?

— Да как ты... — Второй мавр взмахнул кулаком и сбил с ног индианку, мирно стоявшую в стороне и никак не ожидавшую подобного удара.

— Мне это не нравится! — Голубой невольник, натягивая куртку, встал перед сгорбленным работником. — Ты обещал показать мне Египет, Мисург, а не выставять на потеху меня самого! А теперь еще и какие-то негритосы лапать начали!

— Ах ты помет крысиный! — кинулся на голубого наглеца нубиец.

— Тебе чего? — чуть отступив в сторону, невольник развернулся.

Могучий телохранитель, не успев остановиться, одним стремительным ударом выбил из несчастного египтянина

дух.

Второй нубиец, поднявшись на ноги, схватился за копье.

– Не попортите раба! – с тревогой крикнул старик.

– Я не раб! – повернулся к нему голубокожий мужчина. – Я турист! Попросил вот этого купца, – он ткнул через плечо большим пальцем в оглушенного торговца, – показать мне легендарную страну на Ниле. Храмы, пирамиды, сфинкс и все такое. Больше никаких уговоров не было! Так что я, пожалуйста, пойду.

– Не упустите его! – рявкнул номарх. Нубийцы кинулись вперед, и старик торопливо добавил: – Только не пораньте!

– Ты чего, глухой?! – развел руками голубой. – Я не раб!

Один из мавров резко ударил его тупым концом копья в затылок... Но каким-то непостижимым образом промахнулся, попав в нос одному из черных надсмотрщиков работоторговца. Брызнула кровь. Охранник от удара попятился на пару шагов, схватился ладонями за лицо. Но уже через миг, взревев от ярости, кинулся на обидчика. Тот выставил копье – охранник взмахнул плетью, хлестко щелкнув обидчика в живот кончиком хлыста с вплетенной костяшкой.

Голубой невольник тем временем спокойно спускался по лестнице, завязывая тонкий крученный ремешок, продетый через петли на воротах.

– Держите раба! – сжал кулаки старик.

Охранники, что стояли на краях помоста, кинулись на второго нубийца, сбив его с ног и яростно избивая. Первый

продолжал драться против негра с разбитым лицом.

– Вы нечто обезумели, бараны?! – в гневе зарычал номарх и закрутил головой. – Стража!!! Стража, сюда!

На голос наместника второго нома со всех ног кинулись воины, что стояли на входах к прилавкам. На ходу они выхватили оружие – вверх взметнулись боевые палицы с наверхием из окатанных священными водами Нила гладеньких голышей, каждый размером с кулак.

– Разве ты не знаешь, старый, что работорговля – зло? – в самое ухо спросил номарха голубой невольник, непостижимым образом оказавшийся рядом.

От неожиданности щуплый и пожилой наместник шарахнулся в сторону и вскрикнул:

– Убейте его!

Один из ближних стражников с резким выдохом метнул палицу – и она ударила номарху точно в лоб, заставив маленькую бритую макушку разлететься в стороны брызгами крови и осколками костей.

Воин застыл, с ужасом глядя на деяние своих рук.

– Злые вы... – укоризненно покачал головой невольник. – Уйду я от вас.

– А-а-а-а!!! – кинулись на него сразу трое полуобнаженных стражников в льняных юбочках и с белыми повязками на голове.

Голубой иноземец, пригнувшись и закрутившись, мягко скользнул в сторону, а воины врезались в толпу, что есть си-

лы лупя без разбору всех, кто только подворачивался под руку.

Удары палиц с легкостью ломали плечи, руки, ребра. Люди, до сего момента с любопытством смотревшие на происходящее, в ужасе кинулись в стороны, крича во все горло кто от страха, а кто и от боли.

По счастью, по головам оружие попадало не очень часто – и потому мертвых тел и крови на земле почти не оставалось.

– Держи-и его-о!!! Держи, лови!

Стражники от дальних входов отчаянно пробивались через горожан, безжалостно колотя людей рукоятями палиц. В нескольких местах обширного рынка воины вовсю дрались между собой или с охранниками лотков. Обычные же египтяне просто пытались убежать. Они кинулись прочь все разом – в узких проходах тут же возникла давка. Воя, стонов, хрипов, криков с мольбами о помощи стало еще больше.

Гвалт и ругань, вопли ужаса докатились до речного порта, что находился всего в трех сотнях шагов. Наголо бритые по местному обычаю десятники, что следили за порядком у причалов, переглянулись. Стражник помоложе дернул бровями и недоуменно пожал плечами. Второй пригладил лысину и кивнул в сторону города:

– Иди, проверь.

– Там свара, похоже, серьезная... – засомневался молодой.

Более опытный воин осмотрел пустынную в этот час реку

и кивнул:

– Ладно, давай вместе. – Он повернулся к скользящим на берегу стражникам: – Подъем! Все за мной!

Два десятка престарелых копейщиков, покинувших армию фараона по возрасту или слабости, и ныне доживающие свой век, следя за порядком в спокойных Верхних землях, поднялись на ноги и, крепко сжимая копья, плотным отрядом направились вверх по улице.

Вышли на рынок – и застыли с отвисшими челюстями...

– Держи-и!!! Валите его! Убейте!

Над площадью летали палицы и копья, увеча мечущихся в ужасе людей, на помосте нубийцы из охраны номарха дрались с такими же маврами, но на службе у торговцев. Охранники торгового киоска кидались из стороны в сторону, иногда сталкиваясь и вступая в схватки, иногда просто избивая попавшихся под руку горожан.

– Это колдовство!!! – наконец догадался кто-то из торговцев. – Нас морочат ночные демоны!

– Молитесь, молитесь все! – подхватили его крик сразу несколько горожан. – Молитесь могучей Уаджит! Призывайте великих Хапи и Нехбет! Мы во власти злобного Апопа! Молитесь! Молитесь о спасении!!!

Египтяне, оказавшиеся дальше прочих от гущи схваток, прячущиеся за прилавками и у стен – начали падать на колени и складывать руки перед собой. Люди, зажатые в давке на выходах – взывали к богам во весь голос.

Это длилось довольно долго, и еще не меньше десятка людей осело на землю с переломанными костями и разбитыми головами – но земля наконец-то дрогнула, послышался хриплый стон. Со стороны облицованного мрамором храма прокатилась через город воздушная волна, несущая колючий песок и водяную пыль.

Теперь на колени упали уже все горожане, не увлеченные дракой. Над восточным краем рынка выросла грозная тень, и прямо через забор к лоткам шагнул обрюзглый толстяк в льняной юбке, расшитой золотыми и серебряными нитями, с ожерельем из цветов и в усыпанной самоцветами драгоценной короне. Толстяк опирался на сверкающий позолотой посох, увенчанный наверху белыми, зеленоглазыми головами орла и кобры, смотрящими в разные стороны. Ростом могучий гость превышал человека раза в три, а кожа его имела густой буро-зеленый цвет, словно бы гигант был слеплен из речной тины.

Двух шагов ему хватило, чтобы оказаться в центре торга, где великан и ударил посохом оземь:

– Да будет воля моя на земле, воде и на небе!

Что-то неуловимое дрогнуло над площадью – и схватки стали затихать. Мужчины, только что пытавшиеся изувечить друг друга – отступали, глядя на врагов с явным недоумением. Крутили головами, пытаясь кого-то найти. Невольник же, из-за которого началась вся смута, обнаружился сидящим на краю возвышения, свесив ноги вниз. Причем кожа

его более не светилась странным голубым светом – став светлой, словно у гиперборейца.

– О ужас, мои чары рухнули! – вскинул ко лбу запястье поверженный божьей волей колдун. – Как же мне теперь спастись?! Я пропал! Я погиб! Я в отчаянии!

– Свяжите его, – пробасил огромный толстяк, – и снимите все амулеты.

– О-о-о, несчастье!!! – жалобно заскулил невольник, все еще прижимая запястье ко лбу. – Я в беде! Я в бессилии!

Первыми к северному чародею приблизились изрядно окровавленные за время долгой схватки нубийцы, все еще сжимающие свои копья – но тут колдун внезапно откинулся назад и резко крутанулся на пятой точке. Его ноги, быстро мелькнув над пыльным возвышением, ударили воинов по щиколоткам с такой силой, что оба упали. Невольник перекатился ближе, подхватил ближнее копье, приподнялся и метнул!

Черный штрих прорезал воздух, и острый, как стекло, обсидиановый наконечник глубоко вошел гиганту в живот.

– Ты же не думал, что все будет так просто, великий Хапи?! – рассмеялся колдун, ударил приподнявшегося нубийца пяткой в висок и взял в руки второе копье.

Египетский бог взревел от боли и ярости, и с размаху жакнул посохом по помосту, мгновенно превратив его в густое облако пыли. Из этой грязной, непроглядной густоты тут же вылетели одна за другой две палицы, ударив его в бровь и

в челюсть. Зеленокожий Хапи снова ткнул посохом вперед, потом еще раз, потянул руку к копыю, каковое на его огромном теле казалось просто большой занозой. Однако быстрый выпад невидимого врага широко рассек его ладонь.

Острейшие обсидиановые наконечники недаром считались самым опасным оружием в мире – они и кололи, и рубили, и резали...

– Я убью тебя, подлая букашка! – Хапи вытянул руку, и на облако упала густая пелена мороси, мгновенно прибившая пыль.

– Дождь – это отличная идея, старина! – Невольник с явным удовольствием отер влажное лицо. – Мечтал о нем весь последний месяц!

– Сдохни! – Посох рухнул колдуну на голову, однако в последний миг человек успел метнуться вперед и, удерживая копьё за самый кончик ратовища, нанести укол под юбку.

Египетский бог взревел и упал на колени. С ненавистью прохрипел нечто неразборчивое.

– А ведь все было так хорошо! – пошел по кругу невольник. – Я стоял, никого не трогал. И чего вы ко мне привязались, добрые люди?

«Добрые люди» шарахались в стороны. Они смотрели на происходящее с ужасом и вмешиваться в схватку бога и колдуна явно не стремились. На земле и без того уже лежало несколько убитых и полтора десятка покалеченных горожан.

Простым смертным весьма опасно вступать в споры ве-

ликих. Сметут и не заметят!

Однако это вовсе не отменяло неизменного человеческого любопытства. Шум схватки, крики, поступь могучего бога и его голос привлекли общее внимание. Пытаясь узнать, что происходит, к торгу подтянулись стражники от городских ворот и с окраин, вслед за ними туда же пришли портовые грузчики и корабельщики, разносчики чистой воды и торговцы фруктами, на звук выглянули из своих домов и многие горожане. К тому моменту, когда великий Хапи перевел дух, выпрямился, выдернул из живота копье и метнул в колдуна – улицы уже совершенно обезлюдели, дома же опустели наполовину. Почти все горожане собрались в центр Нехебта на редкостное представление.

Наконечник чиркнул невольника по плечу, скользнул дальше и врезался в утопанную землю с такой силой, что камень разлетелся крупными черными осколками. Раб прыгнул вперед, крутанулся, двумя руками удерживая свое копье за самый край древка – и кончик сверкающего на солнце острия с легкостью вспорол буро-зеленую кожу на две ладони ниже пупка.

Жизни огромного жирдяя рана явно не угрожала – однако кровь хлынула парным потоком, едва не залив шустрого колдуна, опять нырнувшего могучему Хапи между ног. Невольник кувыркнулся, поднялся – и тут же с силой уколол врага чуть выше поясницы. Египетский бог злобно рявкнул, резко разворачиваясь – однако невольник оказался быстрее,

одним прыжком снова заскочив ему за спину. Великий Хапи опять вскрикнул, теперь от укола в ягодицу, быстро наклонился и ударил посохом назад прямо между ног. В этот раз он добился цели: выточенное из слоновой кости и украшенное изумрудами оголовье врезалось колдуну в грудь с такой силой, что несчастный отлетел на десятки шагов, снес собою несколько навесов и увяз среди арбузов и парусиновых пологов.

– Твою мать... – прохрипел несчастный, неуверенно взмахивая руками и дергая ногой.

К его счастью, великий Хапи не поспешил добить врага, затоптать, изуродовать посохом. Толстый великан вообще выпустил из рук оружие и сжал пальцами кожу на ране на животе. Сосредоточено замер. Над разгромленным торгом повисла долгая, тяжелая тишина. Наконец буро-зеленый гигант развел руки – и смертные увидели, что от страшного повреждения остался всего лишь длинный рыхлый рубец.

– Слава великому Хапи! – вскинул руки кто-то из горожан, и его восхищенный возглас тут же подхватили остальные египтяне: – Слава всесильному! Слава всемогущему! Бессмертный Хапи с нами!

– Я тоже с вами, ребята... – покачиваясь, поднялся в розовой мякоти колдун, тряхнул головой: – Давненько меня так красиво не охаживали...

– Убейте его! – вскинул указующий перст зеленый бог.

– Не советую... – рассмеялся невольник, и воздух с шеле-

стом прорезал стремительный черный штрих.

Великий Хапи захрипел, выдернул вонзившееся в горло копьё, однако прыгнувший вперед колдун взмахнул толстой пальмовой слегой, каковая только что подпирала какой-то из навесов, ударил ею великана по левой голени.

Нога подломилась, и толстяк шумно рухнул прямо на толпу, безжалостно давя своих почитателей.

– Какой ужас! – жалостливо поморщился колдун. – Хотя, при таких жирах ты должен быть мягеньким. Надеюсь, до смерти никого не расплющишь.

И невольник поспешил откатить оброненное врагом копьё подальше от зеленой руки.

Великий Хапи скрючился, дотянулся ладонями до сломанной голени, крепко ее сжал.

Колдун, опираясь на слегу, спокойно наблюдал за исцелением врага. И тут по площади, усеянной смуглыми телами, битым кирпичом, финиками, персиками и рваными кулями с зерном – мелькнула быстрая тень.

– Наконец-то! – облегченно перевел дух невольник, поднимая лицо к небу. – А то я уж подумал, что великого Хапи бросили мне на растерзание!

Огромный орел, с размахом крыльев в полтора десятка шагов, резко снизился. Уронил на торг столь же гигантскую королевскую кобру.

– Привет! – торопливо попятившись, помахал ладонью колдун и широко улыбнулся.

Кобра, стрельнув между губами раздвоенным языком, быстро свернула тело, тут же стремительно метнулась вперед и...

...как-то в этот миг непонятно получилось – но змея вцепилась вовсе не в тело наглого человечка, а в жирное плечо могучего бога Хапи. Невольник же, крутанувшись, добавил укусу силу, с размаху ударив огромную гадину своей оглоблей сзади по голове. Тут же отскочил к копыю – но поднять не успел. Огромный орел буквально рухнул на колдуна, и только вовремя вскинутая над головой слегка спасла того от крепкого изогнутого клюва.

Древесина, попавшая под укус, разлетелась в щепки, но мужчина успел припасть к земле, откатиться и подхватить-таки копье, тут же выставив над собой. Птица отдернула голову, взмахнула крыльями, отрываясь от земли, попыталась схватить врага когтями.

– Да чтоб тебя... – Невольник опять откатился, вскинул копье над головой, удерживая горизонтально. Оно и попало в лапы пернатого хищника.

Орел начал взлет, отрывая колдуна от земли. Тот попытался было вырвать оружие, но на высоте в три человеческих роста осознал самоубийственную глупость своих стараний, разжал пальцы и грохнулся на головы египтян. Сбив кого-то с ног, а кого-то растолкав, он провалился до земли, тут же вскочил на ноги, с неожиданной силой поднял и подбросил вверх двух довольно крупных мужчин, прорвался к зажато-

му толпой стражнику, оглушил его прямым в челюсть, вырвал из руки копье и с разворота метнул в небо.

Птица, что уже падала на свою жертву с голубого зенита, шарахнулась от опасности влево и ушла на новый круг, набирая высоту. Колдун поспешил выдернуть из поясной петли стражника уже совсем старую, с засаленной рукоятью и почерневшими ремнями, палицу. Взвесил ее в руке и закрутился, оценивая обстановку.

Горожане поблизости, неожиданно для себя из зрителей оказавшиеся участниками битвы, с громкими криками шарахнулись в стороны. Но безуспешно – ибо зеваки, стоящие дальше, опасности не ощущали и продолжали оставаться на месте. Никто не желал пропустить столь редкостное зрелище.

Битва богов!

Прямо у них, в Нехебте, в тихом и безопасном верхнем номе!

Теперь будет о чем вспомнить за пиалой с пенным пивом, поболтать с друзьями, рассказать детям...

Буро-зеленый великан, даже для бога на диво быстро подлечивший ногу, уже выпрямлялся во весь рост, опираясь на сверкающий золотом посох. Яд божественной змеюги то ли оказался для него безвреден, то ли еще не успел подействовать.

Гигантская кобра тем временем сворачивала тело в петли, а громадный орел складывал крылья, начиная падение с

несметной высоты.

Колдун посмотрел на врагов, на боевую палицу с грязным, пахнущим гнильцой гранитным навершием, громко вздохнул и смиренно развел руками:

– Вот тут мне, похоже, и хана!

Змея метнулась вперед, падающий с неба хищник выставил растопыренные лапы. Но в самый последний миг перед неминуемой смертью иноземца – орел вдруг вцепился кобре в загривок, тяжело взмахнул крыльями и вместе с ней ринулся дальше над домами.

По толпе промчался изумленный выдох, у великана же от удивления буквально отвисла челюсть. А когда взгляд египетского бога опустился на невольника, тот задорно подмигнул и перекинул палицу из руки в руку:

– Поссорились, наверное, девочки. Ты же знаешь, как это бывает? Всего минуту назад лучшие подруги, а мгновением спустя друг другу когтями в глотки уже вцепились!

Жирный гигант тихо зарычал, скривился, перехватил посох обеими руками.

Ближние к невольнику горожане взвыли от ужаса и шарахнулись в стороны, в отчаянии вскарабкиваясь на головы друг к другу. Дальние – наоборот, качнулись ближе, стараясь не упустить ни единой детали поединка.

Посох ударил с такой силой, что содрогнулась сама земля! Гул побежал далеко в стороны, заставив задрожать листву в садах, подняв пыль с тихих проулков и покрыв рябью

воды полноводного Нила. Потом еще раз, еще и еще! И каждый раз в самый последний миг колдун успевал отскочить немного в сторону.

После третьего промаха великий Хапи остановился, склонил голову набок.

– Ты же не думал, что все будет так просто, дружище? – рассмеялся невольник.

Буро-зеленый великан прищурился – выпрямился, развернул плечи и резко ударил посохом оземь:

– Да будет воля моя на земле, воде и на небе! Да развеются чары, сглазы и проклятия! Именем своим заклинаю! – И он ударил посохом еще раз.

Колдун рассеялся в воздухе и в тот же миг оказался вдвое ближе к своему врагу. Великий Хапи быстро наклонился и взмахнул рукой.

– Вот блин... – только и успел выдохнуть невольник, как жирный великан уже сцапал его огромной пятерней за ногу и вздернул на высоту своего роста.

Иноземец в отчаянной попытке спастись метнул палицу в глаз врага. Тот всего лишь опустил веко и недовольно хмыкнул. Палица шлепнулась вниз, а гигант откинул голову и открыл рот, поднеся пленника ближе.

– Нет-нет, только не грязным! – взмолился колдун. – Я весь в пыли, в поту, соплях и прочей грязи! Если уж ты решил меня съесть, великий Хапи, то сперва хотя бы прополощи!

Буро-зеленый великан зловеще расхохотался, дохнул – и его жертву окутало плотное облако, тут же стекшее вниз плотными холодными ручьями.

Весь мокрый и жалкий, обтекающий серыми струйками, невольник несколько раз фыркнул, сплевывая воду, вздохнул и признался:

– Твоя взяла, всемогущий. Теперь я чистый. Жри!

Громадный жирдяй снова поднял жертву над собой, открыл рот – и тут ему в висок глубоко вонзилось сияющее, как солнце, золотое копьё.

Великан уронил невольника в распахнутую пасть и, уже мертвый, плашмя откинулся на спину, в очередной раз заставив содрогнуться землю.

А стоящий на берегу Нила рослый воин, одетый в медную округлую шапку, в новенькую кирасу из буйволовой кожи, грудь которой украшали три сплетенных треугольника, в меховые штаны и сапоги рысьим мехом наружу, с песцовым плащом за плечами – этот неведь откуда взявшийся ратник вытянул руку, и золотое копьё уже через пару мгновений вернулось к нему в ладонь. С коротким выдохом мужчина метнул оружие в высоко кружащего орла с коброй в когтях. Промаяхнулся – но копьё вернулось в ладонь, и копейщик попытался сбить орла снова. И опять неудачно.

Однако громадная птица достойно оценила опасность и повернула к северу.

– Она удрала, великий Один, – негромко признала стоя-

щая рядом с воином коротко стриженная черноволосая девица невероятного для здешних краев вида. Сапоги на ней из тонкой и мягкой коричневой замши уходили под короткие, выше колен, беличьи шортики, сшитые окороченным мехом внутрь; золотая фибула скрепляла у горла пушистый ворот плаща из горностая, тоже доходящий только-только до середины бедер. На шее юной красавицы сверкало ожерелье из золотых черепов, талию охватывал широкий пояс с ножами из обсидиана, серебра и железа, а в левой ноздре поблескивала рубиновая серьга.

– Я ее отпустил, валькирия, – поправил поправил спутницу воин. – Пошли узнаем, как там Степка? Его последняя молитва показалась мне предсмертной.

Бог войны оглянулся на причалы. Там, между пухлыми камышовыми лодками, приткнулся к берегу дощатый одномачтовый баркас, с которого в совершенно пустой порт все выпрыгивали и выпрыгивали, разбегаясь по безлюдным улицам, бородатые воины. Меховые шапки, меховые одежды, круглые щиты за спинами, палицы и копья с острейшими каменными наконечниками в руках. Хмурые одноликие северяне, устрашающий «народ моря». И только железные или бронзовые ножи, что висели на поясах многих из мужчин, подсказывали, что большинство пришельцев были славянами – детьми славного народа; а примерно треть – скифами, отважными потомками змееногой богини Табити.

Наконец поток воинов иссяк. Дождавшись этого момента,

великий Один наложил руку на нос корабля. Баркас превратился в щепочку, и бог войны спрятал ее в поясную сумку.

– Пошли...

К тому времени, когда северный гость и его валькирия добрались до торга, два десятка воинов уже успели выстроить египтян вдоль стен и теперь деловито обшаривали, снимая с горожан перстни и золотые цепочки. А невольник, столь долго дравшийся один против всех, сидел, весь мокрый, на плече недвижимого буро-зеленого великана.

– Однако, Викентий, ты совсем не торопился, – мрачно сообщил колдун.

– Как ты позвал, Степа, так сразу и примчался, – с широкой улыбкой развел руками великий Один. – Мне ведь еще людей погрузить нужно было, а им всем оружие расхватать. Помолился бы раньше, коли так припекло!

– Раньше не получилось, – мотнул головой колдун. – Я хотел вызвать сюда Нехбет с подружкой и хоть немного потрепать. Для пущей злобности.

– Самого-то не потрепали?

– Этот гад поломал мне все ребра... – поднялся навстречу спасителям молодой человек. – Надеюсь, они срастаются правильно.

– Старайся меньше дышать, и все будет тип-топ! – посоветовал великий Один, и обнял друга. – Мне ребра раз пять ломали, и ничего. Гипса никто не накладывал.

Степан от его приветствия только болезненно поморщил-

ся.

– И что теперь? – поинтересовалась девушка, прогуливаясь вокруг огромного тела.

– Мы убили верховного бога Египта, – пожал плечами колдун. – Этого нам точно никто не простит. Взбесятся все от мала до велика и кинутся сюда мстить, карать и истреблять.

– Этот что ли?! – ткнула указательными пальцами в толстяка валькирия. – Верховный бог?! А как же Ра, Осирис, и всякие прочие? Ну, типа Гора?

– Ох, Валентина, Валентина... Ты, как и большинство людей, слишком доверяешь внешней мишуре, совсем не интересуясь сутью вещей, – усмехнулся чародей. – Перед тобой лежит бог воды, повелитель Нила и отец фараонов. Если бы не разливы реки, приносящие влагу и плодородный ил, Египта не существовало бы вообще. Именно великий Хапи даровал жизнь всему здешнему народу и создал эту страну. Если ты вспомнишь корону фараонов, то на ней изображен орел. Это в честь Нехбет, жены Хапи и матери фараонов. Иногда на короне две головы, орла и кобры. Так царственные дети почитают Нехбет и ее лучшую подружку, Уаджит. Ну, эту парочку вы сегодня уже видели... – указал в небо Степан. – А Осирисы, Горы и всякие прочие Ра, это всего лишь мелкие божественные работяги, в поте лица своего таскающие по небу тяжеленное палящее солнце.

– То есть, ты почти два часа в одиночку сражался против

трех богов и толпы смертных? – оглядел разоренный торг великий Один. – Степка, как тебе это удалось?

– Да как обычно! Ври, юли и не высовывайся. – Колдун щелкнул пальцами, и внезапно возле тела великана возникло сразу полтора десятка Степанов. Причем Валентина и Викентий тоже приняли облик колдуна.

– Неужели они не догадались? – спросил один из Степанов.

– Конечно, догадались, – ответили ему сверху. – И тогда я сделал вид, что мои чары рухнули...

Послышался щелчок пальцев, и из всех Степанов остался только один. Однако – на месте валькирии.

– Кто же тогда сломал тебе ребра? – сказал этот Степан девичьим голоском.

– Великий Хапи оказался криворуким недотыкомкой. – Чужой облик осыпался с девушки крупными кусками, а колдун обнаружился сидящим на груди мертвого бога. – Метил-ся по моему призраку, а попал по мне, слепая тетеря. – Степан вздохнул и улыбнулся: – Зато Нехбет своей подружке едва голову не оторвала!

– Ты настоящий Локи! – восхищенно покачал головой Викентий. – Ловкий, хитроумный и многоликий! Бог веселья и обмана.

– Да... – согласился колдун. – Это просто беда!

– Почему «беда»? – не поняла валькирия.

– Вообще-то, – тяжело вздохнув, признался Степан. – Во-

обще-то, я очень старался стать Заратустрой.

Часть первая

Рожденный убивать

Запретное желание

На чердаке пахло мышами, пылью, смолой, тряпьем и гнилой бумагой. В общем – тухлой древней ветхостью, неудивительной для доходного дома полуторавекового возраста. На кровле – горбыль с разлохмаченным обзолом, поверх которого лежало гулкое кровельное железо; кирпичи в дымоходах невесть когда топившихся печей ныне потрескались и расслоились, по углам висел лохмотьями никому ненужный черный пергамин, на полу пылился толстый слой хрупкого керамзита...

Именно равномерный треск керамзита и выдал появление здесь рыжеволосой девушки лет семнадцати, пухленькой и круглолицей, с маленькими голубыми глазками под тонкими русыми бровями. В ее ушах поблескивали серебряные серьги с бесцветными гранеными камнями, подозрительно большая грудь распирала длинный синий свитер, а ноги прятались в аккуратно вытертые голубые джинсы.

Шумно прокравшись по чердаку, рыжая гостя остановилась возле брошенного между двумя стропильными подпор-

ками драного пятнистого матраса, покрутила головой и тихо позвала:

– Золотарев! Степан! Ты здесь?

– Ирина Алексеевна? – Из-за находящегося в отдалении дымохода выступил паренек на вид немногим старше гостыи, русоволосый и плечистый, с чуть вздернутым носом; одетый во фланелевую рубашку и штаны из плащовки со множеством накладных карманов. – Что вы тут делаете?

– Золотарев! – Девушка, громко потрескивая керамзитом, направилась к нему. – Так вот ты где, оказывается, живешь?

У парня сперва поползли вверх брови, затем на губах появилась ехидная усмешка:

– Как же вам удалось об этом догадаться, Ирина Алексеевна? Наверное, я не принимал душ несколько дней, и от меня дурно пахнет? Или у меня измятая и грязная одежда, которую я не меняю уже целый месяц? И здесь вокруг разбросаны учебники, с которыми я хожу в школу?

– Я поняла, что с тобою что-то неладно, и проследила за тобой, – с прежней уверенностью продолжила гостыя. – Теперь понятно, почему у тебя неладно с учебой и ты постоянно остаешься второгодником! Тебе просто негде... жить...

Чем дальше, тем менее напористой и обличающей становилась речь девушки. Под саркастическим взглядом паренька она, похоже, и сама начала догадываться, сколь радикально отличается внешность ее ученика от облика обычных обитателей чердаков и подвалов.

– Все в порядке, Ирина Алексеевна, я отлично вас понимаю! – примирительно вскинул ладони паренек. – Тлетворное влияние Голливуда, мексиканские сериалы долгими вечерами, душещипательные истории о бедных сиротках, спящих на теплотрассах с модельными стрижками на головах, разгуливающих по подвалам в костюмах от Армани и ковыляющих в помойках с маникюром за триста баксов. И которых нужно обязательно спасти от голодной смерти, пахнущей пирожными и шампанским. Увы, до их уровня я явно не дотягиваю. Я просто люблю гулять по чердакам.

Степан Золотарев пожал плечами и широко развел руки.

– Любишь гулять по чердакам? – неуверенно переспросила девушка.

– Каждый сходит с ума по-своем... – начал было отвечать молодой человек, но тут улыбка внезапно сползла его с лица. Степан с напряжением посмотрел гостью через плечо и быстро пробормотал: – Но у вас наверняка есть на примете более интересные приключения, Ирина Алексеевна. Очень советую спуститься по другой лестнице.

– Почему, Золотарев?

– Уже неважно... – Степан метнулся вперед, сцапал Ирину и стремительно утянул за кирпичный дымоход, крепко зажимая девушке рот. Несчастная в отчаянии брыкалась в сильных руках, но вырваться не могла. Парень же наклонился и прошептал в самое ухо: – Если будешь дергаться, шуметь и кричать, они убьют девчонку. Ты, конечно, хочешь

спросить, какую? Тогда смотри...

Он сделал шаг в сторону, вытягивая Ирину из-за трубы, и пленница увидела, как двое алкогольного вида мужиков за-таскивают на чердак девочку в коротком легком платье. Рот несчастной был заклеен скотчем, им же похитители при-мотали ее руки к телу.

Молодой человек вернулся назад и снова зашептал:

– Я могу ее спасти, но только если ты не поднимешь шума и не спугнешь их раньше времени. Иначе они со страху за-режут похищенную дурочку. Она их видела, она свидетель. Но если ты будешь сидеть тихо, я ее спроважу. Поняла? У тебя всего две секунды на размышление, с нее уже стаскива-ют трусы. Будешь молчать?

Ира кивнула – и рука с ее лица исчезла. И уже через миг она поняла, что осталась одна. Девушка ошеломленно по-крутила головой, а потом осторожно выглянула из-за кир-пичной кладки. Как раз в тот самый миг, когда уже навалив-шийся на жертву алкаш вдруг содрогнулся, словно от удара и поднялся:

– Ты сбрендил, Стас? Чего дерешься?

– А-а? – Второй мужчина, еще только полустянувший штаны, поднял голову и увидел, как его товарищ отлетел, словно от сильного удара. – Юрик, ты чего делаешь?

Острая боль прорезала его плечо, и тут уже Стас не стер-пел:

– Ах ты, мразь! – Он вскочил и кинулся вперед, сходу уда-

рив приятеля в челюсть.

Тот отлетел, врезался затылком в опору – и только поэтому устоял на ногах.

– Тупой говнюк!!! – Юра бросился на приятеля с кулаками. В завязавшейся драке оба забыли про пленницу и не заметили, как вдоль ее рук скользнул нож, срезая скотч. Невесть откуда взявшийся парень рывком поднял девочку на ноги и посоветовал:

– Беги!

Пленница не заставила себя упрашивать и молча кинулась к выходу – отклеивать скотч с ее рта парень поленился. Цыкнув зубом, спаситель повел плечами и направился в другую сторону.

Драка уже заканчивалась. Один алкаш, размазывая локтем кровь по лицу, пинал ногами другого, пытаясь попасть ногой в зубы:

– Тварь! Мразь! Ублюдок! Еще раз попадешься мне на глаза, убью!

Устав избивать беспамятную жертву, он повернул голову – и наконец заметил самое главное:

– Эта потаскуха сбежала! – Мужчина еще раз со всех сил ударил дружка и кинулся к лестнице.

В этот же самый миг Степан сзади похлопал Ирину по плечу, затем провел ладонью по волосам учительницы:

– Ну вот и все, можете снова дышать, – негромко разрешил он. – Дело кончено, пошли отсюда.

Ирина громко взвизгнула от неожиданности и развернулась:

– Черт, как ты здесь оказался?! Ты же был там!

– Я умею очень быстро бегать, Ирина Алексеевна, – «походил» пальцами молодой человек. – И вам советую. Представление окончено, айда отсюда, пока нас не заметили.

– Подожди, его же нельзя бросить просто так! – распрямилась девушка, выглянула из-за дымохода и указала на избитого алкаша. – Нужно вызвать скорую помощь, ему требуется врач!

– Все, что ему требуется, так это нож в печень, чтобы уж точно больше не поднялся, – пожал плечами Золотарев. – Чем таких уродов меньше, тем лучше.

– Как ты можешь так говорить, это же человек!

– Человек, Ирина Алексеевна, – наставительно поведал паренек, – есть существо общественное. А эти двуногие субъекты законов общества не признают. Так что в реальности они являются всего лишь опасными животными, подлежащими утилизации во имя общей безопасности. К сожалению, папа делать этого не разрешает. Учит держаться за чертой. Но спасать уродов я тоже не собираюсь.

– Ты что говоришь, Золотарев?! – задохнулась девушка. – Ты сам-то себя слышишь?! Ты считаешь, что есть люди первого и второго сорта?!

– Вообще-то да, – честно признался тот. – Есть те, кого нужно спасать, и те, кого требуется останавливать. Первые

важнее. Но если вы думаете иначе... Он ваш!

Паренек сделал прощальный жест ладонью и с громким керамзитным похрустыванием отправился к лестнице.

В глубине души Золотарев испытывал огромное облегчение. В конце концов, лишние связи в этом мире ему только мешали. Хотя рыжая остроглазая девица Степану чем-то понравилась. Может быть, детским наивным авантюризмом? Надо же такое придумать: попыталась спасти его от тяжелой доли бомжатничества!

Золотарев даже улыбнулся, представив себе ее фантазии...

– Ладно, – прошептал он себе под нос. – С глаз долой, с сердца вон. Одной проблемой меньше.

Но едва Степан успел спуститься до площадки третьего этажа, как сверху послышался быстрый топот. Молодой человек остановился и разочарованно покачал головой:

– А как же несчастный бомж, Ирина Алексеевна? – укоризненно спросил он и вскинул пальцы буквой «V». – Второй сорт?

– Он явно дышит и пострадал не сильно, – выдохнула запыхавшаяся девушка. – А ты... Откуда ты его знаешь? Откуда ты знал, что они притащат на чердак девочку? Ты с ними заодно? Но тогда почему ты ее спас?

– М-м-да... – только теперь начиная осознавать непоправимое, Степан с силой потер лоб костяшкой указательного

пальца. – Скажите, Ирина Алексеевна, а если я попрошу вас просто забыть все, что вы увидели за последние полчаса, вы согласитесь?

– Как это «забыть»? – не поняла девушка. – Ты так шутишь?

– Так я и думал, – сильно поморщившись, вздохнул Золотарев. – Не прокатило. Папа меня убьет...

– Что сделает? – заметно побледнела учительница.

– Это было образное выражение, – успокоил ее паренек, достал из кармана телефон, мельком глянул на экран. – У меня до тренировки еще полтора часа. Вы не против, Ирина Алексеевна, если я приглашу вас на чашечку кофе?

– Так ты знаком с этим бомжом? – вскинула палец куда-то вверх девушка.

– Вы отказываетесь?

– А-а-а-а... – Девушка не сразу вникла в суть вопроса. Но все же сообразила и резко кивнула: – Да!

– Что «да»? – терпеливо уточнил молодой человек.

– Я согласна.

Спустя четверть часа они уже сидели в полупустом кафе-терии, за столиком с двумя чашками «американо» и блюдцем с тремя пирожными. Четвертое Золотарев сразу отправил в рот, после чего предложил:

– Давайте, Ирина Алексеевна, я сам расскажу, как все произошло. А вы меня, если что, поправите. Хорошо?

Девушка кивнула. Степан сделал пару глотков из своей

чашки и заговорил:

– Вас прислали в нашу школу на практику из училища, третий курс. Вы увидели ученика, который аж три раза оставался в разных классах второгодником, и решили спасти его заблудшую душу и наставить на истинный путь. А поскольку правильный, идеальный, рафинированный неудачник должен происходить из неблагополучной семьи, быть избитым и вечно пьяным сиротой, вы решили выследить мою берлогу, обнять, пожалеть и приютить. Правильно?

– Я спрашивала твою «классную», – призналась молодая учительница, не прикасаясь к угощению. – Она сказала, что у тебя дома все хорошо, несколько раз «собес» проверял, что жалоб нет, и все идеально. Просто ты глупый и не тянешь программу. Но ведь ты совсем не дурак! У тебя по математике одни пятерки! Да и по тебе видно... В общем, я решила, что они отнеслись к тебе... Ну, поверхностно, для галочки. И попыталась проследить сама.

– Отлично, Ирина Алексеевна, я очень за вас рад, – отпил еще пару глотков паренек. – Вы решили оказать мне покровительство, бескорыстную помощь. У вас светлая душа, чистые помыслы и открытое сердце. Примите мое восхищение. Это я не шучу, это честно. По справедливости я тоже обязан отплатить вам добром. Так что вы пирожные кушайте, кушайте, не стесняйтесь. С моей стороны это есть скромное выражение благодарности. Но что до меня, то я учусь совсем в другом заведении и по другой программе. И там я отлич-

ник. А сюда, в вашу школу, меня записали исключительно для того, чтобы я научился общаться с обычными людьми, не из семьи. Знакомиться, дружить, расставаться, правильно поддерживать контакты. Очень важная практика. Так что у меня все хорошо, можете не беспокоиться.

– А как же все то, что случилось там, на чердаке?! – вскинула палец девушка. – Ты так и не сказал, кто эти люди, кто эта девушка, откуда ты о них узнал и почему спас? И как ты вообще это сделал?

– Это часть моей учебы, – пожал плечами Степан. – Находить точки перегиба. Добиваться результата, оставаясь незамеченным. Побеждать невидимкой. Это моя судьба, мой долг, мое предназначение. Ради этого я живу.

– Это просто слова, Золотарев! Ты не ответил ни на один вопрос!

– Учитывая ваши чистые помыслы, Ирина Алексеевна, я исполню ваше желание и расскажу вам чистую правду, – снова прихлебнул кофе паренек и съел второе пирожное. – Я потомственный колдун из тайного братства чародеев. Я должен спасти этот мир от нашествия оборотней. Ну, а пока тренируюсь на «хомячках», – весело подмигнул он. – Сиречь, на тех, кто под руку подвернется. Реальные поединки, пусть даже столь жалкие, всегда полезнее учебных схваток. Постоянные спаринг-партнеры предсказуемы. Поэтому всегда нужны свежие противники со стороны. Не знакомые.

– А-а-а, ты колдун... – сразу потухла взглядом девушка. –

Тогда, конечно, все понятно...

– Сразу все? – вскинул брови паренек.

– Не беспокойся, все хорошо, – поджалась недоучившаяся учительница. – Ты только не нервничай, я тебе верю. Ты, конечно, колдун. Хороший, умелый колдун. Я уверена, тебе удастся спасти мир. Ты победишь всех оборотней и станешь правителем Земли. Все хорошо. Хочешь, я провожу тебя домой?

– Спасибо, Ирина Алексеевна, но не стоит, – скривился Степан и одним глотком допил кофе. – Мне еще нужно встретиться со своим психиатром!

Он вскинул руки, щелкнул пальцами – и разлетелся темным облаком бабочек-шоколадниц.

Девушка взвизгнула, шарахнулась назад, вскочила и отбежала на несколько шагов, отмахиваясь руками.

Впрочем, бабочки к ней приставать не стали и быстро скрылись какие в дверь, какие на кухню, а какие в вентиляцию.

Посетители и продавщица за прилавком повернули к Ирине головы, смотря кто с удивлением, кто с жалостью. Никто из присутствующих ничего странного в исчезновении собеседника девушки, похоже, не заметил...

* * *

Серое марево, покрытое множеством разноцветных свет-

лячков, походило на ночное небо – однако звезды, что перемигивались перед внутренним взором воспитанника древнего братства, постоянно перемещались, становились то ярче, то тусклее, иногда разгораясь в маленькие солнышки, а иногда вовсе угасая, сходились и раскатывались, сливались в яркие Млечные пути...

Вот только происходило все это на ткани мироздания, осязаемым исключительно через глубокую медитацию. В реальном же мире, в распускающемся под весенним солнцем парке Победы – радостно щебетали птицы, натужно жужжали первые, сонные шмели, проносились мухи, шелестели ветви берез, широко растекался едковатый аромат свежескопанных клумб, в которые садовники уже успели высадить тюльпаны, нарциссы и неизменные маргаритки.

– Я должна тебе кофе.

Степан вздрогнул, открыл глаза и убрал руки, раскинутые на спинке парковой скамьи.

– Вы меня преследуете, Ирина Алексеевна?

– Совсем немножко, Золотарев. Не могу так сразу избавиться от привычки за тобой следить, – пухленькая рыжая практикантка, все в том же свитере и джинсах, уселась на скамейку рядом с учеником и поставила на колени матерчатую сумку. – К тому же, я должна тебе кофе. Ну, и еще, наверное, мне нужно извиниться.

– За то, что сочли меня сумасшедшим, который не способен перейти из класса в класс из-за диких тараканов в голо-

ве? – криво усмехнулся паренек. – Да пустяки, Ирина Алексеевна! Дело житейское.

– Я ничего подобного не говорила, Степан!

– Но подумали.

– Какая разница, кто о чем думает? – возмутилась девушка. – Важно не то, какие мысли у человека в голове, а то, как он поступает! Тебе, может быть, меня изнасиловать хочется? Я же тебя ни в чем не обвиняю!

– Какие интересные у вас идеи, Ирина Алексеевна! – восхитился паренек. – Вы уверены, что хотите стать именно учительницей? Может, лучше в прокуратуру?

– Судить человека нужно не по словам, а по делам! – не стала отвечать ему практикантка. – И, кстати, о поступках... Что это вчера было? В кафе?

Похоже, девушку привело на новое свидание отнюдь не раскаяние в почти открытом оскорблении, а банальное женское любопытство.

– Иллюзия, – пожал плечами чуть разочарованный Степан.

– М-м-м... – Девушка задумчиво потерла нос, потом открыла сумку и достала термос. – Ты кофе с молоком пьешь или без?

– Какой есть, тот и пью, – не стал привередничать молодой человек.

– У меня со сливками, – открутила колпачок-стаканчик Ирина, налила его почти до краев и протянула ученику: –

Золотарев, а чем отличается колдовство от иллюзии?

– Качеством, – принял стаканчик паренек. – Фокусники для своих иллюзий обманывают внимание. Киношники обманывают зрение. Гипнотизеры обманывают чувства. Физики обманывают информационное восприятие. Я умею обманывать восприятие ментальное.

– Физики обманывают?

– Ну да, – пожал плечами паренек, прихлебывая горячий напиток. – Вы ведь знаете, что такое голограмма? На ней нет никаких картинок. Только волновой информационный пакет. Каковой мозг интерпретирует как картинку, неотличимую от реальной. Объемную, четкую, многогранную. Поддающуюся разглядыванию с разных сторон. Но в реальности картинки нет, голая информация. Радужный волновой пакет. В общем, чистый высокотехнологичный обман. Ну, а я умею морочить мозг напрямую... – Паренек допил кофе, провел пальцами левой руки вверх, и прямо из стаканчика выросла густо-зеленая роза с большущим алым бутоном. Степан протянул ее девушке: – Спасибо за кофе!

– Ой, колется! – удивилась девушка, едва только тронув цветок.

– Ваш разум сам достраивает необходимые картинке атрибуты, – пояснил Степан. – В этом и есть главное достоинство правильного, хорошо наведенного морока. Чтобы отличить его от реальности, нужно или перестать в него верить, или иметь активный защитный амулет. Поэтому в церквях

или возле древних священных реликвий никакое колдовство обычно не работает.

– Это почему?

– Если голограмму подсветить неправильным светом, информация забивается мусором и мозг перестает ее понимать. Картинка исчезает. Амулеты работают точно так же. Они излучают свою ментальную информацию. Постороннюю. Накладываясь на колдовское воздействие, она превращает четкую картинку в бессмысленные помехи, и... – Золотарев щелкнул пальцами. Роза дрогнула и рассеялась легким дымком.

– Тебя послушать, и колдовство сразу кажется обыденным скучным ремеслом. – Девушка наполнила стаканчик снова. – Даже обидно.

– Любая высокоразвитая технология кажется магией для незнакомых с теорией неофитов. Вы сможете объяснить тайну сотового телефона великому Архимеду или конструкцию электрокара Леонарду да Винчи? Для них обоих эти устройства покажутся самым обычным колдовством. Хотя эти люди точно не дураки.

– Если это так просто, ты можешь научишь колдовать меня? – неожиданно спросила практикантка и скромно потупила взор.

– Оп-па! – охнул Золотарев. – Вы не перестаете меня удивлять, Ирина Алексеевна. То на чердаке отловите, то в магию после первого же фокуса уверуете. А как же материализм?

Как же научный фундамент школы познания?

– Ты же сам только что объяснил, что ничего магического в колдовстве нет! Обычная технология иллюзий, вроде стереокино.

– Что, правда? – повеселел Степан.

Он ощутил, как случившаяся обида улетучивается. Нестандартно мыслящая девушка снова начала ему нравиться. Иллюзия в кафе не испугала ее, а привлекла. Ирина не упиралась, упрямо отрицая новое знание, а сразу потянулась к нему. Оставалась открыта и честна. И переполнена была наивностью, отчего казалась совершенно беззащитной, требующей покровительства.

Воспитанник братства поморщился и притворно вздохнул:

– А ведь и правда объяснил, мой косяк. Теперь придется отдуваться. Тем более, что у вас к колдовству есть предрасположенность. Вы рыжая, а все рыжие, как известно, ведьмы. К цвету волос идет парный ген.

– Я крашенная, – призналась девушка. – Это считается?

– Неужели ранняя седина, Ирина Алексеевна?

– Перестань называть меня по имени отчеству, Золотарев! – попросила практикантка. – Я чувствую себя глупо. Ты ведь меня на два года старше! Ты три раза второгодник, а я после восьмого в училище пошла.

– Но вы учитель, а я ученик. У нас разный социальный статус.

– Это ты сейчас так хитро меня подкальываешь, да? – нахмурилась девушка.

– Я проявляю искреннее уважение, Ирина Алексеевна. Еще кофе дадут?

– Да, конечно, – практикантка наполнила стаканчик еще раз, протянула пареньку. – И все-таки, давай на «ты»? Сяду на учительском поприще я еще не заработала. Чувствую себя... В общем, мы с тобой ровесники, и не в школе. Давай по-человечески.

– Мне по-человечески нельзя, – впервые за все время серьезно ответил Золотарев. – Мне нельзя ни с кем сближаться. Через три месяца я исчезну из этого мира. Слишком близкие отношения рвутся с большой болью. Поэтому лучше их не завязывать.

– Исчезнешь? Почему? – вскинулась практикантка. – Ты болен, да? Ты поэтому махнул рукой на учебу? Ты умираешь?

– У вас в глазах появился нездоровый радостный блеск, Ирина Алексеевна! – укоризненно покачал головой Золотарев. – Зуб даю, вы хотите найти во мне какой-то жуткий изъян и излить на меня океан своей жалости! С бездомностью не получилось, так теперь на болезнь понадеялись? Вынужден вас огорчить: я абсолютно здоров, полон сил, бодр, умен, красив и весел.

– И скромн, – добавила девушка. – Ладно, допивай, и я пойду.

Золоторев помолчал, поморщился:

– Обиделась, да? Извини, я не ожидал, что ты примешь дружеский подкол так близко к сердцу. Думал, просто посмеемся вместе.

– Да ерунда, ничего такого, – отмахнулась Ирина. – Обычный подростковый максимализм, нам еще на втором курсе преподавали. Желание самоутвердиться на унижении собеседника и тем самым доказать превосходство.

– Во! – одобрительно вскинул большой палец второгодник. – Отбрила так отбрила! И как мне положено реагировать на подобную отповедь? Заплакать и раскаяться?

– Не знаю, – тускло ответила девушка. – Просто отдай крышку термоса.

– Раз уж у нас начался обмен колкостями, я тебе тоже чего-нибудь скажу, – склонил голову набок Золоторев, – Ты невероятно красива, Иришка! Твои голубые глаза остры как шпаги, у тебя заманчиво бархатистая кожа, так и хочется прикоснуться. У тебя чудесный носик, душевный голос и такие густые солнечные волосы, что просто жуть как хочется зарыться в них лицом. Давно бы плюнул и ушел, не будь ты такой очаровашкой.

– Угу. Толстуха с комплексом неполноценности... – Практикантку заметно бросило в краску. Девушка порозовела аж до самого кончика удостоенного особой похвалы носа.

– Ну, первое – это скорее достоинство для любой женщины, – покрутил в руках опустевшую крышку паренек. – Есть

на что с удовольствием посмотреть. А второе... Комплекс спасительницы для юных девочек – это нормально. Пожалеть, приласкать и обогреть. Все как в сказках и положено. Архетип доброй Настеньки из «коллективного бессознательного». Печку протопить, кота почесать, яблоньку подвязать... В общем, всех жалеть и помогать. Ну, и третье... Наш разговор повернул куда-то не туда. Давай выберем тему повеселее? Например, про убийц, бандитов и насильников. Хочешь еще раз увидеть работу настоящего Бэтмена?

– Ты изучал работы Юнга? – Глаза у практикантки округлились.

– И даже прогуливал ради этого школьную биологию, – подмигнул девушке паренек и вернул крышку от термоса: – Ну что, мир?

– Да мы и не ссорились. – Ирина вылила в стаканчик остатки кофе. И, не поднимая глаз, уточнила: – Значит, я тебе понравилась?

– Среди учительниц ты самая красивая.

– Самая красивая среди сорокалетних и предпенсионных дам? – вскинув голову, полыхнула гневом практикантка. – Однако, ты умеешь делать комплименты!

– Я бы мог сказать, что ты самая красивая среди моих знакомых, но среди них ты тоже единственная, – развел руками Золотарев.

– У мистера Совершенства нет девушки?

– Не смог найти достойную.

– Наверное, для всемогущего колдуна это действительно трудно.

– Действительно... – Молодой чародей наклонился вперед и посмотрел ей в самые глаза.

Ирина была весела и безмятежна, обида забылась. Забавный и задорный розовощекий колобок. На миг показалось, то от нее исходит некое излучение, тонкими нитями опутывающее воина древнего братства.

Степан опустил руку в карман, достал телефон и посмотрел на экран.

– Не делай этого, – попросила Ира, перестав улыбаться.

– Чего?

– Ты опять собираешься исчезнуть.

– Хорошо, – после короткого колебания согласился молодой колдун. – Но только не трогай меня несколько минут. Мне сейчас очень важно кое-что посчитать в уме.

Он снова откинулся на спинку скамейки, поднял лицо к небу и опустил веки.

Девушка, глядя на него, допила кофе, завинтила термос. Убрала его в сумочку. Сжала губы, терпеливо дожидаясь пробуждения ученика.

Наконец тот резко опустил голову. Достал телефон, глянул на экран.

– Сколько получилось? – поинтересовалась Ирина.

– Метров триста по дорожке и полтора часа, – ответил Золотарев.

– И что там будет?

– Точка экстремума.

– Ты способен повторить то же самое, но понятными словами?

– Там должно случиться какое-то событие. Нужно дожидаться и посмотреть. Если оно произойдет, я получу в зачетку еще одну пятерку.

– То есть, ты заглянул в будущее?

– В этом нет ничего сложного, Иришка, – пожал плечами молодой колдун. – Ты ведь и сама пару минут назад смогла предсказать, что я собираюсь исчезнуть.

– Я просто догадалась! Ведь в прошлый раз, прежде чем убежать, ты повел себя точно так же.

– Ответ правильный, Ирина Алексеевна! – широко улыбнулся паренек. – Для предсказания будущего нужны опыт, позволяющий достоверно оценивать полученные данные, и сами факты для анализа. Ты оценила мое поведение, соотнесла с прежними поступками и дала верный прогноз. Сиречь, заглянула в будущее, выдала верное пророчество и приняла меры для изменения грядущего. Да еще так запросто, что и сама всей этой сложной процедуры не заметила! Так вот, Ира... Наше братство предсказывает будущее точно тем же способом. Вот только свой опыт мы копили три тысячи лет, успели за это время разработать надежные методы матанализа базы данных, а также различные способы сбора потоков информации и ее систематизации. Я же последние

пятнадцать лет все это абстрактное медитативно-калькуляторное безумие зубрил по три часа в день, и до сих пор сдаю экзамены по практическому применению. Если хочешь, можешь подождать и проверить, что получается.

– Так вот откуда у тебя пятерка по математике? – поняла девушка. – Никогда не думала, что колдовство в разрезе выглядит столь приземленно! А чему еще тебя учили эти пятнадцать лет?

– Рукопашному бою во всех его видах, – стал загибать пальцы чародей, – изготовлению инструментов из камней и воды, психологии, отведению глаз, перемещению в пространстве, простейшим заговорам и заклинаниям, управлению погодой... Но в последнем я оказался абсолютным двоечником.

– Рукопашному бою? – удивилась девушка.

– Вообще-то, я должен победить армию оборотней. – Молодой человек приосанился, согнул руку в локте и пощупал собственный бицепс. – Всех звелюлюдей одним махом, причем в одиночку. Вряд ли в этом деле удастся обойтись одним лишь добрым словом. – Золотарев вздохнул, расслабляясь, и предложил: – Кстати, Иришка, уже темнеет. Тебя проводить до остановки или пойдем в кусты?

– Зачем в кусты? – резко выпрямилась и напряглась практикантка.

– Вообще-то, чтобы незаметно понаблюдать за точкой экстремума, – ухмыльнулся Степан. – Но ход ваших мыслей,

Ирина Алексеевна, неизменно удивляет мой школьно-второгодний разум. Так куда мы идем?

– В кусты, – отчего-то покраснев, ответила девушка.

Дойдя с Ириной до зарослей сирени, еще не успевшей набрать бутонов, молодой человек достал из кармана на бедре прямоугольный кусок серой плащовки, расстелил под ветвями, кивнул своей спутнице:

– Садись на него. Или ложись. Это что-то вроде защитного круга, только уже готового. Три руны на отведение глаз и мое заклинание. Тебя смогут увидеть только случайно наткнувшись или пристально вглядываясь. Я им пользуюсь из лени, чтобы не рассеивать внимание на лишнюю работу. Но ради такого случая немного напрягусь. Ну, и еще на нем сухо. Даже на мокрой земле. Не простудишься.

Практикантка встала на тряпицу, глядя под ноги. На одном углу увидела многоконечную звезду в круге, на другом резубец и несколько черточек, на двух оставшихся – просто крестики с перекладинами на кончиках. А когда подняла взгляд – Степан Золотарев уже исчез.

Девушка поежилась и опустилась на колени, сложив руки перед собой.

Парк постепенно тонул в сумерках, превращаясь в череду светлых пятен под фонарями. Людей на дорожках становилось все меньше, на опустевших спортивных площадках прекратился стук тренажеров, птичий гомон тоже постепенно затихал, и из шумов остался только мягкий шелест лист-

вы, в котором тонул даже шум моторов на близких городских улицах. И даже витающие в воздухе запахи стали влажными и приторно-цветочными, словно Ира перенеслась из города куда-то в жаркие летние луга.

Послышался громкий хохот, звяканье.

– Нужно гонца еще за одной посылать! – приподнялась из травы за скамейкой взлохмаченная голова.

– Разве только за закусем, – ответили снизу. – Посмотри в портфеле. Там должен быть пузырь и немного шипучки. Вот только жратву я еще в обед всю употребил.

– Ничего, мы занюхаем! – снова опустилась голова.

Там, на газоне за скамейкой, уже довольно давно выпивала компания мужчин среднего возраста. Ирина заметила их, еще когда они шли к сирени. Но тогда вся компания показалась девушке обычными тихими алкашами. Теперь же они вели себя все более и более шумно. Голоса звучали громче, мужчины перебивали друг друга, начали толкаться и время от времени хохотали. Практикантка стала подозревать, что дружеская посиделка вот-вот перейдет в драку. Как только вся водка закончится, алкогольные пары начнут искать выход. И тогда...

На дорожке, идущей мимо скамейки, показалась молодая парочка. Юноша и девушка, по виду старшеклассники, медленно двигались, взявшись за руки, совершенно погруженные в себя, явно не замечая ничего вокруг...

Вот тут из травы внезапно и поднялись столь шумные в

последние полчаса мужчины.

Пятеро.

Практикантку почему-то особенно резануло то, что трое из них курили.

– О, как удачно! Ну-ка, щенок, бабу свою оставь и проваливай! – Алкаши быстро окружили парочку. – Нам она нужна.

Похожий на бухгалтера седоволосый пьянчужка, в костюме и с большой лысиной, протянул руку – мальчишка быстро закрыл девушку собой, оттолкнул ладонь в сторону.

– Ах ты гаденыш! – «Бухгалтер» размахнулся, ударил паренька в лицо... но спьяну промахнулся и согнулся набок, взыв, словно от боли. Мальчишка тоже махнул кулаком, попав врагу в ухо. «Бухгалтер» резко дернулся и упал на колени.

В этот миг другой пьянчуга схватил девушку сзади за шею – однако рядом возник, словно бы соткался из воздуха Золотарев, положил руку ему на кисть, сдернул с шеи и резко прижал к предплечью. Мужчина взвыл от боли, заваливаясь на спину, а стремительный второгодник уже отпустил его, ударил ребром ладони в горло другого мужчины – и исчез, превращаясь в призрачную серую дымку.

Быстрая тень отвела еще один направленный в парня удар – но тому все же досталось по голове от четвертого противника. Мальчишка покачнулся, повернулся, отмахнулся почти наугад – двое мужчин при этом отлетели в сторо-

ны. Тень же оказалась за спиной паренька, перехватила руку поднявшегося «бухгалтера», крутанулась, пронося ее над головой – и бедолага, взыв от боли, отлетел на несколько шагов в сторону.

– А-а-а!!! – Мальчишка, сжав кулаки, кинулся один на двоих крупных мужчин, вставших из травы. Неясная тень скользнула следом, походя опрокинув пьянчугу с уже вывихнутой кистью.

Паренек махнул кулаком, попав кому-то по лицу, получил такой же злой ответ кулаком под глаз, покачнулся – но устоял. У алкаша же резко дернулась вверх голова, и он мешком осел на дорожку.

– Получи! – Мальчишку ударили в ухо, он в ответ стукнул кулаком в нос. Его враг тут же согнулся пополам, вздрогнул еще раз и завалился под скамью.

Наступила тишина...

Тенистая аллея, молодая испуганная парочка. Слабые стоны пятерых мужчин, копошащихся в траве и на отсее прогулочной дорожки.

– Гена, как ты это сделал? – изумленно прошептала девушка. – Ты один... Их всех!

– Да вот... – неуверенно пробормотал мальчишка и снова взял ее за руку. – Пойдем.

Парочка быстро, почти бегом, умчалась от злополучной скамейки.

– Как полагаешь, Ирина, на этот раз я достаточно точно

просчитал экстремумы? – услышала девушка шепот где-то над ухом.

– Это просто потрясающе! – Практикантка вскочила и закрутилась, не в силах разглядеть собеседника. – Как ты смог?!

– Надеюсь, меня не заметили?

Ира повернулась на звук, сделала шаг вперед, взмахнула руками, поймав за плечи невидимого собеседника, привлекла к себе и крепко поцеловала в горячие несуществующие губы. Именно начиная с них, с губ, в воздухе и соткался облик веселого чародея.

– Степа, ты просто... просто... – Практикантка, не находя слов, покачала головой. – Думаю, ты подарил мальчишке самую горячую ночь любви в его жизни! После всего увиденного его девчонка просто обязана стать его верной и страстной принцессой! Она ведь не знает, что все это сделал ты!

И Ирина поцеловала своего ученика снова.

– Замолчи! – неожиданно потребовал Золотарев.

Девушка замерла – и молодой человек, перехватив практикантку за плечи, жадно и крепко, словно в рыцарских романах, приник к ее губам. Так жадно, что у Ирины даже закружилась голова.

Ненадолго оторвался, сказал:

– Как же это, оказывается, приятно! – и снова закрыл губы крепким поцелуем.

– Что это было? – тяжело дыша, спросила Ира, когда объ-

ятия молодого человека наконец-то разжались.

– Не могу объяснить, но мне очень понравилось, – признался Золотарев. – Пожалуй, это даже лучше, чем рассветная медитация. Теперь позволь, я сверну коврик невидимости.

– «Рассветная медитация»... – отступив, повторила девушка, словно пробуя сравнение на вкус. – И чем она лучше вечерней?

– Тем же, чем твой поцелуй лучше материнского, – ответил паренек, пряча кусок плащовки в карман. – Тебе этого никогда в жизни не понять.

– Это почему? – моментально вскинулась Ира.

– Потому, что ты не способна поцеловать саму себя! – прихлопнул карман Степан и быстро чмокнул спутницу в кончик теплого розового носа. – Уже поздно. Я тебя провожу.

– Мне грозят какие-нибудь «экстремумы»? Ты меня считал?

– Не грозят, – покачал головой молодой человек. – Но если ты не против...

– Я не против, – улыбнулась девушка, закинула руки ему за шею и снова крепко поцеловала. – Мне будет приятно иметь рядом с собой такого всесильного колдуна.

– Ты в меня наконец-то поверила, Ирина? – уточнил трехкратный второгодник.

– Не очень, – мотнула головой девушка. – Но мир, пол-

ный магии, оборотней, любви и чародеев, пожалуй, получится намного интереснее, чем вселенная сухих правил, гормонов и теорем. Так что я согласна побыть на твоей стороне.

Держась за руки, они вышли на подсвеченную фонарями аллею, повернули влево...

– Эй, гаденыш, а ну стой! Стой, тебе говорят!

– Это вы мне? – с искренним изумлением оглянулся Золотарев.

– Сюда подошел, шкет! – немного пришедшие в себя пьянчужки явно жаждали реванша после случившегося позора.

Правда, теперь на ногах стояли только четверо.

– Иришка, подожди, я быстро. – Молодой человек отпустил свою спутницу и направился к ним.

– Сюда бегом! – «Бухгалтер» ударил пустой бутылкой по спинке скамейки, и она разбилась, оставив в руке мужчины «розочку» из белого стекла. – Карманы выворачивай!

– Не трогайте меня, дяденьки, – аж присел от ужаса перед грабителями паренек, приближаясь к пьяницам мелкой семенящей походкой. – Я все отдам, только не бейте!

– Бабло гони! – Его окружили...

Золотарев резко распрямился, и его кулак снизу вверх врезался в челюсть ближнего мужчины с такой силой, что у того даже ноги оторвались от земли; локоть тут же ушел назад, разбив нос противнику за спиной, паренек чуть развернулся, резко вскинул растопыренную пятерню:

– Х-ха!

«Бухгалтер» поднял зрачки вверх – и пропустил удар ногой в пах; Семен же отвел ногу назад и скользнул чуть в сторону, резко пригибаясь...

Он уходил от удара в голову – который последний из его врагов так и не нанес. То ли не успел, то ли не сообразил... Однако ребро ладони все равно врезалось ему в горло, и молодой колдун быстрой походкой направился к девушке, оставив за спиной лишь стоны и вялое копошение.

– Вот это да! – кинулась к нему Ирина. – Как ты их...

– Это было жестоко, грубо и прямолинейно, – поморщился Степан. – Некрасиво. Да еще со свидетелями. Если отец узнает, получу хороший втык. Пошли отсюда скорее.

От такого тона целовать его Ире сразу расхотелось. Она бросила взгляд на дорожку, на разбросанных грабителей, поспешила следом:

– Ты как будто недоволен, Степа! Ты же победил! Или тебе больше нравится, когда слава достается другим?

Золотарев замедлил шаг, опустил голову. Потом слабо улыбнулся, протянул руку и взял девушку за ладонь:

– Извини, сорвался.

– Не извиню, пока не объяснишь!

– Я же уже говорил, Иришка. – Паренек поднял ее руку и поцеловал запястье. – Мне придется в одиночку уничтожить армию оборотней. Чтобы не выдать себя, чтобы добраться до вожака, мне нельзя привлекать к себе внимания. Я дол-

жен побеждать чужими руками, я должен всегда находиться в стороне, вне подозрений. Я не имею права искать славы или власти. Все должны считать меня вечным второгодником, тихим, слабым и безопасным. Маленькой и безобидной серой мышкой. Так что эта публичная победа равносильна для меня «неуду» в зачетку. Я «засветился».

– И много у тебя таких «неудов»?

– Второй за два дня.

– Да ты двоечник, Степан! – отчего-то повеселела Ирина. – За что получил первый?

– Из-за тебя. – развел руками Степан. – Не смог предсказать твоего появления на чердаке.

– Ну, извини, – пожала плечами Ира.

– Ерунда. Как говорит отец, мы учимся ради знаний, а не ради отметок. После подобного промаха, случившегося на своем опыте, я стану внимательнее к деталям. Благодаря тебе, Иришка, – он поцеловал ее запястье снова, – я смогу избежать похожих ошибок в будущем. Возможно даже, ты спасла мне жизнь.

– Всегда пожалуйста... – Спокойная речь паренька вернула Ире прежнее настроение, и она даже позволила молодому человеку быстрый скользящий поцелуй, тихо засмеявшись.

Взявшись за руки, молодые люди снова поспешили вперед, однако вскоре девушка запыхалась и перешла на шаг:

– Елки-палки, Степа, ты же колдун! Зачем мы стаптываем ноги, если ты можешь нас куда угодно с помощью магии?

– Я бы с радостью, Иришка. Но здесь нет зеркал!

– Господи, зеркала-то тут причем?

Степан немного помолчал, потом обнял спутницу, медленно бредущую от одного светлого фонарного пятна к следующему, за плечо:

– Ира, можно я расскажу тебе анекдот?

– Если он не очень пошлый...

– Даже не знаю... Но, пожалуй, рискну. Так вот... Привели как-то к психиатру нового больного. Ну, доктор «галоперидольчику» в шприц набрал, за спину спрятал и ласково так психа спрашивает: «Правда ли, мой милый, что ты умеешь ходить через стены, видеть сквозь бетон и общаться с мертвыми людьми?». Больной отвечает: «Да не вопрос! Запросто!». Доктор, естественно, обрадовался и уточняет: «Как же ты через стены ходишь?». «Через дверь», – отвечает больной. «А как сквозь бетон смотришь?». «С помощью окон». «Но с мертвыми-то как общаешься?!». «Читая написанные ими книги». Разозлился доктор от такой банальности и вколол «галоперидол» себе.

– Смешно, – грустно признала Ира.

– Сказка ложь, да в ней намек. Абсолютное большинство колдовских чудес, что кажутся невозможными простым людям, в реальности не представляют никакой сложности. Достаточно знать о существовании дверей и уметь ими пользоваться. Для потомков Сварога такими дверьми являются зеркала. Но когда нет зеркал, приходится ждать автобуса...

По счастью, как раз автобуса ожидать не пришлось. Последний вечерний троллейбус подкатил к остановке почти одновременно с появлением на ней молодых людей.

– Какие еще окна нужны колдунам для жизни? – поинтересовалась девушка, усаживаясь на заднее сиденье.

– Оговорок много, – пожал плечами чародей. – Для ворожбы нужна стоячая вода, а для перекидывания оборотня – нож и деревяшка. Заклятия на увеличение чего-либо делаются на растущую луну, а на уменьшение – на садящуюся. Ну и так далее. Все как везде. Передавать свои мысли на другой конец планеты вроде бы и несложно, но обязательно нужны минимум две сотовые вышки и деньги на счету. И будь ты хоть семи пядей во лбу, но амулеты на увеличение богатства можно изготавливать только две недели в месяц, и на уменьшение веса – тоже только две недели.

– Хочешь сказать, что я толстая, да? – сделала неожиданный вывод практикантка.

– Так сразу и не понятно... – оценивающе глянул на нее Степан. – Нужно на ощупь проверить.

Он вытянул растопыренные ладони, Ирина со смехом отмахнулась:

– Отстань, охальник! И вообще, мне на следующей выходить...

Молодые люди покинули троллейбус, пересекли плотно забитую парковку перед жилым кварталом, направились во дворы.

– Ира, извини за такой вопрос, – смущенно кашлянул Золотарев, – у тебя дома большого зеркала случайно нет? А то с транспортом как бы уже напряжно. А идти далеко. А так я бы в зеркало просто нырнул – и дома.

– Обалдеть! – фыркнула девушка. – Я знаю, молодые люди напрашиваются в гости на кофе, на чай, на забежать в туалет, на отмыть с рук какую-то грязь, на просто проводить до дверей... Но чтобы посмотреться в зеркало?!

– Меня никто не заметит. Ты только скажи, где висит, да дверь приоткрой. Я всем глаза отведу и рыбкой быстренько нырну. Никто от обычного сквозняка не отличит.

– Можешь не бояться, дома никого нет, – покачала головой Ира. – Мы с подругами студию на троих снимаем. Они сестры, и как раз сейчас уехали на неделю к родителям. Так что квартира полностью моя. А зеркало – в прихожей. Во весь рост.

Девушка дважды пригладила себе волосы, свернула к парадной новенького дома, весело покрашенного «шахматкой» в синий и красный цвета. Достала ключ, прижала к замку, и молодой колдун галантно открыл перед нею дверь. Старательно отводя взгляд, Ира вместе с пареньком поднялась на седьмой этаж, открыла квартиру, и уже сама толкнула створку двери, первой вошла внутрь, включила свет. Кивнула на вешалку, рядом с которой стояло высокое трюмо.

– Если ты искал зеркало, то это оно.

– Спасибо. Извини, что напросился. – Золотарев быстро

поцеловал девушку в щеку и непринужденно, словно в открытую арку, шагнул в толстое стекло.

Ирина с минуту смотрела ему вслед. Потом тихо выдохнула:

– Вот сволочь... – и стала снимать кроссовки.

Девушку отчего-то ничуть не удивило подобное исчезновение спутника. После всего увиденного где-то в глубине души она уже начала верить в возможность сверхестественного. Иру удивило и обидело не то, что Степан вошел в зеркало – а то, что он вообще ушел!

В неполные двадцать лет пора бы знать, что, если женщина пригласила спутника к себе в дом – какой бы повод для этого ни нашелся, – то она ждет... Ну, может быть, не сотни горящих свечей, что освещают полутемную постель, усыпанную лепестками роз – но хотя бы попытки романтики, нежности и желания. И возможности этой настойчивости уступить...

Ну, или не уступить...

Но никак не того, чтобы кавалер выскакивал в зеркало, словно вдруг увидел перед собой разъяренный пчелиный рой!

Ирина стянула свитер, скомкала, кинула в темноту комнаты, стянула джинсы, повесила на крючок и прямо из прихожей прошла в совмещенную душевую, откуда вернулась через четверть часа, распаренная и пахнущая зеленым чаем, в темно-коричневом халате с рисунком из переплетенных ова-

лов. Прوماкивая волосы полотенцем, она шагнула в дверь – и замерла, увидев десятки свечей, горящих на подоконнике, столах, холодильнике и полках, множество расставленных тут и там букетов, огромное звездное небо на потолке...

Сердце в груди девушки ударило с такой силой, что она невольно охнула, по телу прокатилась горячая волна, и Ирина с оглушительным восторгом ощутила прикосновение губ к своей шее, щеке, мочке уха, торопливо повернулась, подставляя нежным поцелуям лицо, глаза, губы. Халат сполз с влажных плеч, девушка закинула руки чародею за шею и отдалась долгожданным ласкам, без оглядки ныряя в горячий омут наслаждения.

Она проваливалась в бездну и взмывала к небесам, кружилась в невесомости и растворялась в разноцветных вспышках, каковые случались то ли в ее разуме, то ли в комнате вокруг. Но скорее всего – в мире колдуна, каковому подчинялось все, что видели глаза девушки. Или, по крайней мере – большинство увиденного. Краешком сознания, остатками разума Ирина понимала, что раздобыть так быстро множество цветов, расставить десятки свечей – невозможно. И уж тем более – зажечь на потолке звезды. Но ей было так хорошо, что она не задумывалась, не желала вникать в подобные мелочи. Девушке хватало лишь одного понимания: все это ради нее!

Как ни обидно, но после долгих игр второгодник все же иссяк, и с его усталостью Ира вернулась обратно в мир ре-

альности, к его фальшивым звездам, Луне, цветам и горящим свечам. Перевернулась на спину, раскинула руки и с наслаждением выдохнула:

– Это был лучший день в моей жизни!

– Почему был? – поинтересовался Золотарев, с прыгнул с постели, с неожиданной легкостью поднял Ирину на руки, прошел в прихожую: – Задержи дыхание!

– Зачем? – спросила было девушка, но тут ее рот, глаза, уши внезапно залило соленой водой, тело охолонуло и одновременно обожгло неожиданно ярким светом. От неожиданности Ира взбрыкнулась, слетела с рук спутника, ухнувшись в глубину, но тут же вскочила на ноги, отфыркиваясь и отбрыкиваясь. – Что это?! Где мы?!

Она крутанулась, стоя по грудь в теплой прозрачной воде. Вокруг, на узком белом кольце, стояли редкие пальмы, за которыми открывался океанский простор. Ирина сглотнула и повторила вопрос:

– Где мы?

– На пляже, – лаконично ответил молодой колдун, пробираясь к берегу. – Если таковым можно назвать мою личную полосу десяти метров шириной...

– Ты с ума сошел! – Ира торопливо прикрыла руками грудь и низ живота. – Я же без купальника!

– Зачем? – Степан повернулся к ней и весело подмигнул. – Здесь ближе полусотни верст нет ни одного человека. А я тебя обнаженной так хорошо запомнил, что под любой одеж-

дой каждую черточку прекрасно воспроизведу...

Он развел руки ладонями вниз, быстро их перевернул – и рядом с девушкой возникли две ее точные белокожие копии, тут же ставшие плескать в Ирину водой. Да так натурально, что настоящая красавица вскрикнула и попыталась закрыть-ся от капель ладонями. Но на нее ничего не попало – а пре-красные, веселые Ирины подпрыгнули, взмахнули руками и, стремительно превращаясь в лебедей, начали набирать вы-соту. Еще несколько секунд – птицы стали рыхлыми, обра-тились в два облачка, улетающих в ярко-синее и совершенно чистое небо, к ослепительному, жаркому солнцу.

Только теперь девушка стала осознавать, что стоит по по-яс в теплой лагуне небольшого атолла, среди ясного дня, ря-дом с белоснежным пляжем. То есть – находится где-то в да-леких курортных широтах.

– Здесь точно никого нет? – недоверчиво переспросила она.

– В этом архипелаге через все острова в свежую погоду волны перекатываются. В прилив они подтапливаются. В об-щем, не поселишься. Корабли тоже стороной обходят, дабы на мель не выскочить.

– Если это твой очередной морок, Степка, я тебя убью, – пообещала Ира, опустила веки и плашмя откинулась назад. Но упала не на пол, не на спинку дивана, а в податливую нежную воду. Позволила ей залить лицо, со смехом вскочи-ла на ноги, пригладила мокрые волосы, и тут же принялась

брызгать на своего спутника.

Золотарев не дрогнул – но уже через миг ее уста вдруг замкнул горячий поцелуй. Девушка ответила, крепко обняла второгодника, закружила... И они оба рухнули, скрывшись с головой. Вскочили, выбрались наконец-то на полоску кораллового песка между лагуной и океаном, вытянулись рядом, открытые солнцу и ветру.

– Так где мы все-таки находимся, Золотарев? – снова любопытствовала практикантка.

– Где-то в Полинезии, – пожал плечами второгодник. – Я ведь говорил, что чистокровный потомок Сварога способен перемещаться через зеркала? На самом деле нам нужна для входа ровная и твердая, глянцевая отражающая поверхность. Но для выхода хватает просто поверхности с отражающими свойствами. Обычная вода, не сильно взбаламученная, вполне подходит. Так вот... Когда я был совсем еще глупым малолеткой, мы с друзьями решили попутешествовать. Уйти куда-нибудь через воду, по карте. Как ни странно, у нас все получилось. Мы не утонули, не убились, нас не съели, мы не попали на какую-нибудь секретную базу с минными полями и бункерами, или в людный город. Мы попали сюда. И даже догадались прихватить с собой зеркало. В океан наугад! – Чародей покрутил себе пальцем у виска: – Великие небеса, какими мы были идиотами! По счастью, богини смерти снисходительны к дуракам... В общем, с тех пор у нас есть свой тайный остров.

– Так сюда может заявиться кто-то еще?! – приподнялась в испуге девушка и прикрыла грудь рукой.

Степан мягко и стремительно, словно камышовый кот, скользнул ей за спину, обнял, взял лицо в ладони и повернул голову влево:

– Зеленые пятна на горизонте видишь? Это еще с десятков таких же маленьких атоллов, как мой. У нас с ребятами, Иришка, с самого начала у каждого свой остров. – Он наклонился дальше вперед и прильнул к девушке в соленом влажном поцелуе. – Здесь нас никто никогда не потревожит. Ты и я. Эта земля принадлежит только нам двоим!

Его губы скользнули по подбородку и ниже по шее, к открытой крупными каплями груди.

– Экий ты ненасытный... – то ли пожурела, то ли похвалила любовника практикантка и опустила веки, целиком и полностью отдаваясь ласкам.

И снова ее накрывала алая волна сладострастия, и снова она ныряла в теплую воду лагуны, потом перебегала, чтобы броситься в волны открытого океана, и быть выброшенной обратно на берег в объятия юного колдуна, чтобы покорно распластаться возле него в неге и безмятежности, ощущая себя такой счастливой, каковыми люди бывают только в редких спокойных снах...

– Ущипни меня, Степа! – попросила она второгодника после очередной схватки с низкими пенистыми волнами. – Это все не может быть настоящим!

– Зачем обязательно щипаться, Ирина Алексеевна? – Его ладонь скользнула по острому розовому соску спутницы. – Можно взбодриться и другими способами. Но вы уверены, что хотите проснуться?

Девушка отрицательно покачала головой.

Чародей убрал руку и коснулся соска губами.

– Почему я, Золотарев? – вдруг спросила она. – Почему ты выбрал именно меня?

– Ты кое-что забыла, Иришка, – рассмеялся паренек. – Это не я тебя нашел, это ты меня поймала. Считай, что я у тебя в плену. И как всякий порядочный джин, обязан исполнить три желания. Возвращение домой заказывать будете, моя госпожа, или мне вернуться перед началом шторма?

– Ах ты коварный мошенник! – Практикантка попыталась схватить его за горло, но промахнулась, закувыркалась, взметнулась в воздух и рухнула в лагуну. Вскочила, со смехом отфыркиваясь, закрутилась... Но своего спутника нигде не обнаружила. Ни в воде, ни на крохотном острове.

На миг огонек тревоги кольнул ее сердце – одна в океане! Но уже через секунду теплые губы поцеловали сзади ее в шею. Она резко повернулась – но схватила только воздух. А по ее бедрам сверху вниз скользнули сильные ладони. Ира снова повернулась – и опять никого не нашла. Ощувив, однако, как мягкие пальцы скользнули по животу вперед, с мелким перестуком побежали вверх, добрались до груди, заскользили по влажным возвышенностям.

– А ну, джин, встань передо мной, как лист перед травой! – резко повернулась она в третий раз... И оказалась в крепких объятиях:

– Слушаю и повинуюсь, госпожа! – Ее рот закрыл крепкий поцелуй, и любовники плавно повалились обратно в воду, выбравшись из нее только через сладких полчаса.

– Скажи, Золотарев, а будильники в этом мире работают? – спросила девушка, растягиваясь на песке. – Мне на работу завтра. Я проснусь вовремя или нет?

– Солнце пока высоко, – прищурился на небо чародей. – Еще часа два можно позагорать. Но если хочешь, я могу откопать зеркало и вернуть тебя домой.

– То есть, за одно мгновение попасть на другую сторону земного шара? С легкостью пройти через тысячи километров и бетонные стены? – Ира покачала головой. – Невероятно! Ты ведь, наверное, точно так же можешь пройти в любой секретный охраняемый бункер или банковское хранилище?

– Да никаких проблем! – пожал плечами молодой колдун. – Тебе достаточно назвать ближайшее сейфовое хранилище, в котором имеется небольшое озеро. Ну, или, на худой конец, фонтан с широкой, глубокой чашей.

– А зеркало?

– Современные гномы зеркала в сейфах почему-то никогда не вешают, – пожал плечами Степан. – Наверное, о чем-то догадываются. К тому же, владея зачатками магии, можно добывать финансовые средства куда более легальными спо-

собами. Не вызывая излишних подозрений.

– Выигрывая в лотерею?

– Ох уж эти киношные стереотипы! – расхохотался чародей. – Нет, Иришка, выигрывать денежки у невинных людей нехорошо. Отдает мошенничеством. Вернее, не отдает, а натуральный обман и есть!

– Тогда как?

– Занимаясь сельским хозяйством, девочка! Ты не пове-
ришь, но управляя погодой, совсем несложно добиться вы-
сокого урожая на своих полях, и устроить проблемы несто-
ворчивым конкурентам на соседних. Наличие денег у хозяй-
ки обширного агрокомплекса – это нормально и естествен-
но. Никаких вопросов.

– Именно хозяйки? – уловила оговорку в словах спутника
девушка.

– Богиня Купава, – лаконично ответил Степан. – Она на
сегодня крупнейший российский землевладелец. Воровать
или играть в рулетку богам совершенно ни к чему. Они ведь
боги, а не фокусники!

– Хочешь сказать, боги живут среди нас по сей день?

– Разумеется, – пожал плечами второгодник.

– Но ведь тогда... Тогда они должны править миром! –
выдохнула девушка.

– Зачем? – склонив голову набок, улыбнулся чародей.

– Все хотят править миром! Постоянно ради этого интри-
гуют, обманывают, подкупают, соблазняют, убивают...

– Правда, что ли? – ехидно переспросил второгодник. – Сравным успехом можно сказать, что все хотят залезть в горы. Ведь альпинисты ради этого идут на все: тратят все свое время и деньги, уговаривают, хитрят, погибают. Либо сказать, что все хотят победить в гонках. Гонщики тоже тратят на машины все свое время, силы, деньги. И тоже интригуют, обманывают, разбиваются насмерть. Все судят о других по себе. Гонщики, альпинисты, политики. Однако в реальности есть просто мелкая кучка оригиналов, свихнувшихся на том или ином увлечении. Большинство людей предпочитают спокойную и размеренную жизнь. Без подобных крайностей.

– Ну, ты сравнил! – хмыкнула Ирина. – Гонки и альпинизм – это все просто увлечения. А власть над миром... Это ведь совсем другое! Это... Это... – Она замолчала, никак не в силах подобрать нужные аргументы. – Все, все в твоей власти! Ты приказываешь всем, а тобой не может командовать никто!

– «Все в твоей власти» обычно означает исполнение любых капризов, любовь любых женщин, покупка любых игрушек, – уточнил чародей, зачерпывая ладонью песок и тонкой снежной струйкой выпуская обратно на пляж. – Но насколько я знаю, Иришка, владение даже обычным автомобилем помимо удобств и удовольствия доставляет немало хлопот и забот. Техосмотры, налоги, ремонты. А уж владение целым миром... Это вообще труд бесконечный, рискованный и ненормированный. Завистники, кризисы, наемные убий-

цы, неизменное недовольство народа, бюджеты и коррупция, армия, конфликты и преступления, природные катастрофы. И все это, разумеется, всегда не вовремя, и всё всегда будет валиться на мою голову. За все отвечать, все решать, определять судьбы и жизни миллионов, жить по графику, не иметь ни одной лишней минуты... Вот прямо сейчас я блаженствую на своем собственном острове, совершенно вольный и безмятежный, ни одна сила в этой вселенной не в силах что-то приказывать мне или заставлять, я добился любви самой прекрасной девушки на свете и могу посвятить себя ей целиком и полностью без единой задней мысли. Так напомни мне еще раз, зачем мне нужно захватывать власть над этим миром?

– Ты правда считаешь меня самой красивой? – Ирина выгнулась, огладила ладонями грудь и бока, повернулась набок.

– М-м-м-м... – тронул подбородок Степан.

– Не смей задумываться! – прыгнула на него девушка, опрокинула на спину и оседлала, схватила руками за горло: – Отвечай немедленно! Я ль на свете всех милее, всех румяней и белее?!

– Конечно ты, моя Иришка! Я мечтал о тебе с самого первого мгновения, едва только увидел!

– Тогда почему ты ржешь, как лошадь Пржевальского?! – сжала горло сильнее девушка.

– Потому что ты постоянно шпаришь цитатами из Пушкина, училка!

– Вот, черт! – ослабила свою хватку Ирина. – Мне же завтра план урока сдавать, а я еще даже тетради не открыла!

– Прости, я не знал.

– Ерунда, за полчаса сочиню. Просто мне нужно домой. Не обижайся, хорошо?

– Домой так домой, – не стал спорить молодой чародей.

– Только я еще раз окунусь, можно?

– Я дарю тебе этот океан! – указал на волны Степан.

Пока практикантка плескалась в воде, молодой человек прошел к одной из пальм, пошарил рукой среди корней, потянул шелковый шнур и поднял большое, почти в полный человеческий рост, зеркало в толстой деревянной раме, пристроил рядом со стволом, оперев уголок на кору, а снизу присыпав горку песка.

– Не упадет? – отжимая волосы, подошла ближе девушка. – Как-то хлипко все закреплено.

– Должно упасть, – ответил Золотарев. – Я специально под ветер поставил. Если крепко закрепить, в первое же ненастье его сдует и разобьет. А если упадет после нашего ухода, останется в безопасности. Заметет немного, и все. Иди сюда!

Он обнял девушку, вместе с ней шагнул в полированную поверхность...

И они оказались в сумраке прихожей.

– Ч-черт! – с чувством выдохнула Ирина. Пригладила голову, крепко сжала волосы. Дотянула до губ и лизнула кончики: – Соленые... Значит, это происходило по-настоящему.

му?

– Конечно, – кивнул второгодник. – Я, наверное, пойду? У тебя ведь еще уроки не сделаны. Не стану мешать.

– Подожди! – Девушка закинула руки ему за шею. – Это было так невероятно! Даже слов не подобрать... Так здорово, что не верится. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Так прекрасно, что даже не верится. Чудится какой-то подвох.

– Подвох в том, что это ненадолго, Иришка, – пожал плечами колдун. – Через три месяца я исчезну.

– Большинство парней исчезает после первого свидания, – ответила практикантка. – Так что три месяца – это уже неплохо. Я согласна.

Она поцеловала чародея и разжала руки.

– Твой выбор... – Второгодник слабо улыбнулся и легко, словно через дверной порог, шагнул в зеркальное стекло.

Глаза кречета

Был жаркий июньский день – с ясным голубым небом, ароматом цветов, перемешанным с кислым привкусом выхлопных газов, с густой листвой на кустарнике, совершенно скрывающей от редких прохожих стоящие по сторонам панельные пятиэтажки. Рыжая веселая девушка, что-то насвистывая, спешила по идущей через квартал тенистой, спрятавшейся между кустами сирени дорожке, помахивая маленькой матерчатой сумочкой.

Одетая в черную футболку с россыпью белых молний на груди и черные джинсы, была она, что называется «в теле» – розовощекая, с развернутыми плечами, широкими покатыми бедрами и большой, чуть не разрывающей футболку, грудью. В общем – есть на что посмотреть, есть чему позавидовать.

В своем стремительном беге девушка нагнала трех мужчин, один из которых был в вельветовой куртке, а двое – в синих майках, открывающих всеобщим взорам обилие татуировок на мускулистых руках. Один из прохожих оглянулся на звук шагов, вскинул брови, толкнул локтем приятеля в майке. Тот тоже глянул через плечо, восхищенно присвистнул. И наконец они развернулись к попутчице все трое.

– Какая классная милашка! – широко ухмыльнулся мужчина в куртке. На вид лет тридцати, хорошо выбритый, но с

глубоким шрамом, идущим поперек рта. – Не хочешь немного поразвлечься?

Парни в майках выглядели немногим старше двадцати и одинаково широко ухмылялись.

– Ну же, пирожочек, соглашайся! Ты не пожалеешь! – сказал один.

– Получишь удовольствие, научишься многому интересному! – подмигнул другой. – И даже чуток подзаработаешь.

Девушка резко замерла, переводя взгляды с одного на другого. Тихо сообщила:

– Мне это не интересно. Дайте пройти.

– Мы не дадим тебе упустить свой шанс, малютка! – Парни в майках стали пробираться вдоль сирени, норовя зайти жертве за спину. – Такое везение случается раз в жизни!

Девушка быстро отступила на несколько шагов, с сожалением вздохнула:

– Может, не надо?

– Надо, милая, надо. – Троица продолжала наступать.

За их спинами нарисовался дрожащий силуэт, и упитанная красотка повела плечами, сделала два глубоких вдоха и выдоха, уронила сумочку, согнула левое колено, привстав на пальцах правой ноги, вскинула руки над головой, развела в стороны ладонями вверх, а затем выставила перед собой, соединив домиком:

– Кха-а-а... Предупреждаю! Я владею тайной бесконтактной борьбой футуй-кха-тэ и могу вас серьезно покалечить.

Ближе трех метров не подходите, сделаю больно!

– Делай! – с хохотом предложил мужчина в куртке, встал с широко расставленными ногами и даже отвел руки за спину. – Разрешаю!

За ним возник Степан Золотарев, в штанах из плащовки с накладными карманами и черной футболке. Кивнул.

– Екху! – Ирина резко вывернула ладони, и одновременно с этим второгодник с размаху ударил ее противника ногой между ног, тут же развеявшись серой дымкой.

Мужчина хрюкнул и сложился пополам.

Правый парень резко дернул головой и кинулся вперед:

– Ах ты сука!

Девушка испуганно отпрянула от направленного в лицо удара, парень же увидел справа от себя что-то вроде марева, ощутил рывок за запястье вперед – и потерял равновесие, уже не нападая, а просто падая вперед с выставленными руками. В этот момент его кисть повернулась влево. Несчастный взвыл от боли, кувыркнулся через плечо и с громким треском влетел в кусты.

– Сука! Подлая сука! – выбираясь из-под ветвей, бедолага морщился от боли и осторожно удерживал правое запястье левой рукой. – Чтоб ты сдохла!

Ирина повернулась к третьему противнику, и тот резко отпрянул, вламываясь спиной в сирень:

– Ты чего творишь, дура?! Мы же просто хотели познакомиться!

– Не самый лучший способ, мальчики. – Девушка подобрала сумку и направилась дальше по дорожке.

– На минуту нельзя тебя оставить! – прозвучал в ухе Ирины вкрадчивый шепот. – Обязательно влипнешь в какую-нибудь историю!

– Ах ты паршивец! – крутанулась практикантка. – Ты же сам просил меня здесь прогуляться!

– Есть немного... – засмеялся невидимый чародей. – И все оказалось как всегда.

– Что именно?

– Оказалось, что ты самая соблазнительная женщина на всем белом свете. Перед тобой не способен устоять ни один мужчина в мире.

– Ага, то есть это не они виноваты, а я сама вся такая заманчивая?

– По большому счету да. – Золотарев наконец-то проявился рядом с ней, слегка взъерошенный и с большой алой розой в руках. – А еще ты виновата, что я в тебя влюбился! Ты слишком привлекательна, чтобы удержаться в рамках правил.

– Ну, это свое преступление я как-нибудь переживу. – Ирина чмокнула его в щеку, понюхала розу, слабо улыбнулась: – Спасибо...

– До концерта еще три часа, – взял ее за локоть чародей. – Может, сходим на какой-нибудь фильм? Здесь рядом есть развлекательный комплекс.

– Скукота, – поморщилась девушка. – В кино все герои малохоленные. После приключений, которые ты мне постоянно устраиваешь, выглядят тоскливо. Один ломбард чего стоил! Четверо гангстеров выпустили в меня из автоматов по две обоймы!

– И по половине обоймы друг в друга, – усмехнулся паренек. – Кстати, ты зря под прилавок пряталась, тебе ничего не угрожало. Я сместил твой облик примерно на три метра, они лупили в пустоту.

– Ага! Четыре автомата! Тебя бы на мое место! Я чуть... – Ирина запнулась. – Я чуть сознания от страха не потеряла!

– Извини, Иришка, – повинулся Золотарев. – Я постоянно пользуюсь твоей добротой. Но создавать и удерживать морок из ничего намного сложнее, нежели просто чуть-чуть подправить реальный объект. К тому же, ты сама разговариваешь, и мне не нужно заботиться о речи и голосе.

– Ага, реальный! А помнишь угонщика, который, увидев меня, с третьего этажа крытой парковки сиганул?

– Да подумаешь, принял угоняемый автомобиль за робота-трансформера! Он просто оказался слишком нервным для своей профессии.

– А на мосту на меня все пальцем показывали и хохотали!

– Дикая люди! Они просто не знали, что женщину-супермена положено бояться. Зато я подменил толовые шашки у них в ящике на хозяйственное мыло.

– На украденное мыло!

– Только не надо обвинять меня в крохоборстве. Вместо мыла я вернул в универмаг взрывчатку. Баш на баш! Все едино без взрывателей она пригодна только печку топить.

– Я помню, сколько там было визга.

– Зато ментура теперь точно найдет утечку, откуда ее таскали. А улетела ты с моста чертовски красиво! Рука вперед, плащ развивается, обтягивающее трико, пышные волосы! У всех мужиков аж слюнки капали.

– ...трусы и лифчик поверх одежды, попугайская расцветка, вместо прически копна сена. Хорошо хоть, этакое страшилище на видео никто не снял!

– На тебя не угодить! Быть женщиной-суперменом ты не хочешь, а когда я на тебя морок бабы-яги накинул, ты, между прочим, ни слова поперек не сказала!

– Это когда я к гопоте, что грибника зарезать собиралась, из дупла вылезла? – Девушка расплылась в ухмылке. – Так они меня, считай, и не заметили! Как закричала и зашевелилась, и про дух человеческий спросила, сразу деру дали. И от штанов так запахло, что даже я учуяла! И грибник вместе с ними чесанул. Хоть бы в сторону отвернул, дурачок! – Ирина покачала головой, вздохнула и добавила, сжав руку чародея: – Мне будет этого не хватать... Неужели ничего нельзя изменить? Я люблю тебя, Степка. Не уходи!

Молодой человек немного помолчал, ступая по слежавшемуся отсеву и глядя себе под ноги:

– Сейчас я попробую объяснить... – Он наклонился, по-

добрал с земли пивную бутылку. – Точнее, кое-что тебе покажу.

Золотарев остановился возле скамейки, наклонился над урной, легонько стукнул о ее край, и большая часть бутылки, отколовшись, упала в мусор, оставив в руке Степана лишь небольшой осколок. Второгодник сел, достал из кармана на колене кусочек замши и маленький козий рог, зажал в пальцах, прижал кость к краю осколка, нажал. От стекла откололась маленькая зеленоватая чешуйка. Потом еще одна, еще.

– Что ты делаешь? – Ира села рядом.

– Пока не знаю... – продолжал уверенно работать молодой колдун, и очень скоро на кусочке в его руках появилась прямоугольная выемка. Степан повернул осколок, принялся быстро отшелушивать стеклянные чешуйки с другой стороны. Повернул снова, потом еще раз. В руках чародея стал ясно различим крестик размером с большой палец. Перекладины и ножка, покрытые узором из крохотных граней, почти растеряли зеленый цвет и играли на солнце множеством радужных зайчиков. Сверху находился небольшой овал. – Это тебе, на память.

– Невероятно! Какая красота! – ахнула девушка. – Как ты смог?! Просто из куска стекла!

– Ничего сложного, – спрятал нехитрый инструмент второгодник. – Это анкх, ключ жизни, знак вечной любви. Амулет, спасающий человеческую душу от гибели.

– Спасибо... – Девушка зажала подарок в кулаке. – И что

я должна из этого понять?

– То, что я умею это делать. – Степан поймал ее за руку и прикоснулся к теплomu запястью губами. – Меня учили отводить взгляд и напускать морок, начитывать амулеты и обманывать обереги, проклинать и снимать любые заклятия. Учили отслеживать колдовские следы, учили предсказывать будущее и заглядывать в прошлое. Меня учили сражаться на кулаках, ножах, мечах, копьях и топорах, учили охотиться и рыбачить, учили общаться с лесными и речными духами, нежитью и богами. Учили делать ножи, топоры, наконечники и лопаты из камней, что валяются под ногами по берегам рек, учили варить клей из смолы и костей, учили определять время по солнцу и звездам, учили рекам, волокам и озерам, я помню наизусть географию всего континента со всеми подробностями... Меня учили всему, что нужно для победы над повелителем оборотней и его армией. И не забивали голову бесполезным мусором вроде химии, физики, автомобилей и компьютеров, ботаникой и эволюцией. Меня учили жить в неолите, Иришка. Учили этому всю мою жизнь! В нашем времени я чужой. Я неандерталец!

– Я люблю тебя, Степка! – Девушка пересела со скамьи к нему на колени и обняла за шею. – Я люблю тебя таким, какой ты есть. Я научу тебя жить в нашем мире, мой неандерталец. Я люблю тебя! Не уходи...

Ирина крепко прижалась к своему ученику.

– Я тоже тебя люблю, – слабо улыбнулся колдун. – И по-

этому должен уйти. Если там, в прошлом, повелитель оборотней победит, этот мир будет принадлежать зверолюдям. И он окажется совсем другим. Не появится ни привычных нам стран, ни городов, ни школ, не родишься ни ты, и ни я. Все станет совершенно другим. Я слишком ценю случившиеся у нас три месяца, чтобы они исчезли.

– Но почему именно ты?! – выкрикнула девушка.

– Потому, что я рожден для этого, Иришка, – пожал плечами всемогущий второгодник. – Рожден, воспитан и обучен именно этому, только этому и ничему другому.

– А вдруг, это всего лишь сказка, миф, легенда? Что тогда?

– Ровно сто поколений назад, в девятом веке до нашей эры, великой богине Купаве пришлось вступить в войну против армии оборотней, – заученно ответил Золотарев. – Они легко одолели сварожичей, чуть не истребили все человечество, почти захватили весь обитаемый мир. По счастью, из далекого будущего, из нашего времени пришел умелый и знающий воин, который смог победить властелина оборотней и остановить катастрофу. Именно тогда великая Купава и основала братство прямых потомков Сварога, которые век за веком хранили чистоту крови нашего праотца, развивали магию и искусство прорицания, искусство рукопашного боя... Они собирали и готовили все, что понадобится великому освободителю в его битве. Так уж сложилось, что этим воином родился я. Я должен спасти наш мир от гибели. Это-

го не изменить, это было предрешиено еще три тысячелетия назад. Прости.

– Но ведь это может оказаться просто красивой легендой! Степа, а вдруг послезавтра ничего не случится? Вдруг ты останешься со мной?

– Ну... – пожал плечами молодой человек. – Тогда я окажусь дикарем в мире фантастики, и мне придется влачить в нем жалкое никчемное существование. Пойду в какой-нибудь цирк клоуном, стану вечерами фокусы зевакам показывать. Найду какую-нибудь красотку, женюсь на ней, и стану проводить с ней все свои скучные дни и ночи. И тебе придется вернуть мне анкх.

– С какой это стати? – возмутилась Ирина.

– Я подарил его на память. Если мы не расстанемся, зачем прощальные подарки?

– Кто на свете всех милее, всех румяней и белее? – с улыбкой спросила практикантка.

– Разве ты сомневаешься?

– Смотри не передумай, колдун! – Девушка ткнула второгодника пальцем в нос. – Предупреждаю, обманутая женщина страшнее оборотня!

– Ты не хочешь верить в легенды... – сделал вывод Степан.

– Я надеюсь, – пригладила его волосы Ира. – Надеюсь, что сказки – это всего лишь сказки. Провалиться в прошлое на две тысячи девятьсот лет? Ты слишком часто прогуливал

физику. Это не фокус, не иллюзия, даже не голограмма. Путешествия во времени невозможны!

– Тьфу, блядуны, людей бы постыдились! – буркнула, проходя мимо, пожилая женщина.

– Завидуйте молча! – весело крикнул в ответ второгодник и поднял глаза к небу. – Кстати, моя красавица, время убежало. Как бы на концерт не опоздать. Нужно двигаться.

Практикантка предпочла свериться с телефоном и с сожалением покинула колени своего кавалера:

– Да, действительно... Кстати, все время забываю спросить. Почему ты считаешь, что сто поколений – это три тысячи лет? Разве не десять тысяч?

– Ты путаешь поколения с веками, – взял ее за руку юный колдун. – Поколение – это разрыв между детьми и внуками. Семья и первые дети в прошлые времена обычно появлялись у людей лет в двадцать, а к сорока мужчины уже считались стариками. Так что средний возраст деторождения выходил около тридцати лет. Это и есть время одного поколения. Правда, судя по заклинаниям, этот срок получается всего в двадцать девять лет. Но ошибка, согласись, небольшая...

За этим неспешным полунаучным разговором они и дошли до дома культуры «имени Первого мая», аккуратно за десять минут до концерта «Моторхед».

Мягкие нежные губы коснулись свода стопы, поцелуй за поцелуем поднялись по голени, подобрались к колену, немного задержались на нем, в то время как пальцы скользнули по ноге снизу, стали подниматься выше и выше по бедру...

– Степка-а!!! – взвыла девушка, резко выпрямилась, опрокидывая паренька на спину и резко его оседлала, тут же выгнулась, с силой закусив нижнюю губу, мелко задрожала. Выдохнула и повалилась набок: – Мой чародей...

– Иришка, ты опять все испортила! – возмутился второгодник. – Это наша последняя ночь, и я хочу запомнить тебя всю, до самой последней клеточки! А ты постоянно мешаешь себя рассмотреть!

– Ты думаешь, это так легко? – чуть отползла девушка и раскинула руки на светло-розовой шелковой простыне. – Ты же не просто смотришь, ты еще и трогаешь!

– Я не могу просто смотреть! Я ведь тебя не фотографирую, а запоминаю!

– Просто возьми меня целиком! – быстро прошептала девушка.

– Ни минуты бы не колебался, – признал молодой колдун. – Но в этом обряде от меня ничего не зависит. Так ты позволишь себя запомнить?

– Ладно, я постараюсь не мешать... – Ирина сделала глубокий вдох, расслабилась и закрыла глаза.

Второгодник поднялся на колени, придвинулся к ней и в этот начал свое исследование с ее ладоней, запястий, предплечий, добравшись, наконец, до плеч, ключиц, а когда начал целовать живот – девушка уже опять тяжело задышала, заскребла пальцами простыню, вся напряглась, пытаясь сдержаться, но губы спустились ниже... Девушка громко щелкнула зубами, сложила пополам и запустила пальцы в волосы своего любовника, притягивая к себе и впиваясь губами в его губы.

В этот раз они вынырнули из сладострастного безумия одновременно, лежа в объятиях друг друга и глядя глаза в глаза.

– Я всегда мечтала оказаться в номере для новобрачных, – сказала девушка. – Но я всегда полагала, что это будет мой первый секс, а не прощальный.

– Мне легче, мне вообще в этой жизни ничего не полагалось, – ответил чародей. – Братство считает, что мне не следует заводить крепких связей в этом времени. Дабы не потерять здесь ничего серьезного. Чтобы, попав в прошлое, ни о чем там не жалеть. Но я встретил тебя...

– Тебя из-за меня ругали?

– Я воин великой Купавы, богини любви, – слабо улыбнулся второгодник. – Она никогда не станет наказывать за настоящее чувство. Она поступила в точности наоборот, и сня-

ла нам этот номер для прощального свидания. Богиня желает, чтобы я знал, ради чего жертвую собой. Не просто ради победы над некими темными силами, но и ради конкретной и осязаемой, очаровательной Иришки. Я должен победить, чтобы ты родилась, чтобы мы встретились и полюбили друг друга. Этот мир не должен принадлежать оборотням. Он должен остаться нашим.

– Извини, Степка, но звучит немножко... Как в кино.

– Просто я немного не в себе, рыжая, – пригладил ее волосы юный чародей. – Сегодня вечером я навсегда попрощался с братством, с великой Купавой и со своими родителями. А сейчас я прощаюсь с тобой. На рассвете мое время истечет.

– Я тебя не отпущу! – Девушка крепко его обняла, прижала к себе.

– Ты мне все еще не веришь. – Второгодник встрепал ее локоны обратно.

– Верю, Степка, верю. Честное слово! – поцеловала его Ирина. – И в братство верю, и в колдовство, и даже в богиню, каковой вы поклоняетесь. И в пророчество о великом воине, которого заберут в прошлое, дабы победить повелителя оборотней, тоже верю. Многие религии обещали конец света, или явление мессии, или нашествие монголов, или страшный суд. Обещают через сто лет, или через тысячу, или через две. Обещают когда-то в далеком, невероятном будущем. Но рано или поздно проходит любое, самое долгое время. И тогда вдруг выясняется, что обещанного чуда нет, не может

быть и даже не намечается.

– Если ты окажешься права, я исполню любое твоё желание, – неожиданно пообещал Золотарев и поцеловал любимые глаза. Отпустил девушку, выбрался из постели, прошёл в душ. Некоторое время оттуда слышался шум воды. Затем в спальню вернулся обнаженный второгодник, вытирая полотенцем влажные волосы, и практикантка тихо чертыхнулась:

– Я никогда к этому не привыкну, Степка. Ты просто бодибилдер! На соревнованиях выступать не пробовал?

– Была такая мысль. Но среди культуристов не оказалось ни единого приличного боксера, – ответил молодой колдун с такой небрежностью, что в первый момент Ирина ему даже поверила.

Золотарев отбросил полотенце, снял со стула рубашку, надел, затем влез в свои неизменные штаны из плащовки, на этот раз тяжело звякнувшие.

– Не упадут? – перевернулась на живот девушка.

– Минимальный набор выживальщика, – затянул ремень чародей. – Огниво, нож, цепная пила. Блесны, леска, подстилка. Охра, иглы, тушь.

– Подтяжки были бы надежнее.

– В неолите подтяжек не знали. Как и карманов. Предпочитали поясные сумки и заплечные мешки. Но у меня свои привычки.

– Ты все-таки веришь в пророчество?

– Какая разница, Иришка? – Степан Золотарев подошел к

окну, одним рывком широко раздвинул занавески. — Смотри, уже светает. До момента его исполнения остается всего чуть-чуть. Мы все узнаем через несколько минут.

Молодой человек вернулся к роскошной обширной постели, взял лицо девушки в ладони, поцеловал ее в нос, в глаза, в губы. Затем распахнул застекленную дверь и вышел на балкон. Потянул носом свежий влажный воздух, прислушался к щебету птиц, что доносился из окружающего коттедж парка.

— Возвращайся скорее, мой колдун! — завернувшись в одеяло, крикнула Ирина. — А то здесь зябко становится!

— Я сейчас! — зачем-то ответил Золотарев и подставил лицо первым солнечным лучам, слегка опустив веки. Услышал громкий клекот, открыл глаза и встретился взглядом с огромным кречетом, сидящим на осветительном столбе аккуратно перед окнами. Взгляд хищной птицы неожиданно остро пронзил его сознание, чуть ли не до самого мозжечка, в голове юного чародея возникла круговерть, слабостью раскатившаяся по всему телу, и Степан повалился куда-то вниз, почему-то не коснувшись близкого пола, провалился сквозь балкон и продолжил рушиться в нескончаемую бездну...

* * *

Слабость отпустила почти сразу. Головокружение исчезло, оставив лишь легкое ощущение тошноты. Степан поднял веки, увидел над собой низкий жердяной потолок и тихонь-

ко ругнулся.

Выходит, это все-таки случилось!

Он провалился...

Чтобы там Золотарев ни рассказывал Иришке о своем великом предназначении, о спасении мира, о повелителе оборотней и его порабоощающей человечество армии – однако в глубине души он все-таки надеялся, что древнее учение братства о властелине лесного народа и о великом воине, который отправится в седую древность, чтобы его одолеть – что все это окажется всего лишь красивым преданием. Степа до конца, до последнего надеялся остаться рядом с остроглазой рыжей практиканткой еще на много, много лет...

«Интересно, к Иришке в будущее вернуться получится?» – не смог сдержать самой первой, предательской мысли воспитанник древнего братства. Но тут же взял себя в руки и заставил свой разум вернуться к самой главной, определяющей судьбу воина цели.

Он обязан спасти этот мир от порабоощения темными силами!

– Ладно, процесс пошел, – изгнав из души легкую горечь сожаления, поднялся на ноги посланец великой Купавы. – Дело прежде всего. Я должен уничтожить армию оборотней!

Он и еще четверо молодых людей находились в срубе без единой двери или люка, только с несколькими окнами. Однако Степан знал, что такого быть не может. Не строят таких избушек в реальности. И если он провалился в эпоху богов и

колдовства – то и путь на свободу, скорее всего, закрыт самым заурядным мороком.

– Ты, солнце ясное, просвети взор мой дневной; ты, ветер быстрый, развеи туман чародейский; ты, земля-матушка, впитай слово колдовское, ты, вода быстрая, смой наваждение черное. Сгинь, прочь, навет чужой с честных глаз моих! – прошептал он простенькую отчитку от подобных обманок.

Однако стены остались стенами. То ли морок ставился с большим мастерством и подтверждался крепкими талисманами, то ли его навеяла очень, очень сильная кудесница, с которой без заранее подготовленных талисманов не управиться.

Оберегов на Золотарева не имелось. Братство Купавы опасалось, что любые амулеты могут отпугнуть или запутать призывающее воина заклинание, и потому Степан ушел в прошлое «как есть» – чистый и беззащитный, имея лишь знания в голове и простенький набор для выживания в карманах.

Впрочем, хорошо обученного колдуна это не остановило. Воин братства знал: любой морок – это иллюзия. И как бы хорошо ее ни сотворили, уверенного в себе человека она обмануть не способна. Достаточно найти расхождение между обманкой и своими ощущениями и внимательно взглядеться в нужное место. Посему Степан стал просто-напросто прощупывать бревна.

Осязательная и обонятельная иллюзии – самые сложные. Если между «картинкой» и ощущениями обнаружится разница – значит, это место и спрятано от глаз.

Очень скоро поиски Золотарева увенчались успехом: он нащупал вертикальную жердину там, где глаза видели угловую перевязку бревен.

– Эй, братан! – услышал Степан. – Ты ничего не хочешь нам рассказать?

Золотарев понял, что самый крупный из избранников кречета обращается к нему. Чистокровные потомки Сварога заметили, что Степан оказался здесь единственным, кто не растерялся и не принимал участия в гаданиях и разговорах. И очень хотели получить сему поведению внятные оправдания.

Ну что же, можно и объяснить... Первичное прояснение ситуации для товарищей по приключению было одним из поручений великой Купавы своему воину.

Молодой колдун развернулся, с искренним интересом посмотрел на молодых людей.

Коротко стриженная черноволосая девка в красном топики и джинсах, с татуировкой в виде обнимающего нож пламени на левой руке – она очень скоро станет в этом мире богиней смерти. Курносый русский парень в выпущенной поверх джинсов рубашке – уже сейчас довольно сильный бог материи и мастерства. Чернобровый и голубоглазый бугай – кроважадный и бесшабашный бог войны. Ну, а миловидная де-

вушка с длинными и прямыми каштановыми волосами, одетая в легкое цветастое ситцевое платье, короткие гольфы и сандалии... Этой девушке предстояло стать богиней любви и согласия.

Но ни один из призванных из будущего богов, прямых потомков Сварога, пока еще даже не догадывался о своем предназначении. И никто из них сейчас совершенно не был готов принять тот объем знаний, каковой способен обрушить на них воспитанник братства Купавы. Все, что мог сделать Степан в данный момент – так это дать чуть-чуть базовой информации, дабы у несчастных совсем уж ум за разум не заходил. Чтобы мозги начали работать в нужном направлении, исходя из принесенных из будущего привычных понятий.

– Разве только очень кратко, – сказал чародей. – Вы в Москве, это девятый век до нашей эры, вас вызвали из будущего славянские боги, вы прямые потомки великого Сварога и носите наиболее полный его генотип из всех прочих представителей гаплогруппы «I».

– Москве же всего восемьсот лет! – не выдержала девушка в платье.

– Что, правда? – хмыкнул Золотарев. – А термин «Дьяковская культура» вам о чем-нибудь говорит?

– Н-ну... Это очень древняя страна городов на территории России, – припомнила богиня согласия.

– Он намекает на то, что даже само свое название дьяковская культура получила от крепости, начиная с девятого ве-

ка до нашей эры стоявшей возле станции метро «Лефортово», – вмешался бугай. – Формально говоря, Москва выросла из пяти довольно крупных городов дьяковской культуры, лет триста назад слившихся воедино. И если мы находимся в любом из них, то да: технически мы пребываем в столице нашей Родины.

– Сам-то ты откуда это знаешь? – спросила Степана будущая богиня смерти.

– Это потому, Валентина, что меня к данному переносу в прошлое готовили всю жизнь, – пожал плечами парень. – Я воспитан братством солнценосной Купавы именно ради этого часа.

– Откуда ты знаешь мое имя?! – изумилась девушка.

– Мы же в прошлом, разве вы забыли? – вздохнул Золотарев. – Ваши имена и ваши судьбы сохранены в летописи братства. Викентий по прозвищу Один, Матвей-кузнец и Света-травница... – Степан по очереди указал пальцем на молодых людей. – Самое забавное в сложившейся ситуации то, что прочитанные мною в босоногом детстве записи о вас и ваших приключениях оставляю именно я. Смешно, правда?

– И какого хрена мы тут делаем? – хмуро спросил бог войны.

– Как бы это объяснить попроще... – вскинув руки, пошевелил пальцами Золотарев. – Вы знаете, что такое рецессивные гены?

– В школе, слава богу, учились, – кивнула Валентина. –

А что?

– А вот то... – Степан хлопнул в ладоши, в его руках оказался длинный сверкающий меч, каковой он стремительно вогнал собеседнице в грудь.

Девушка завизжала. Колдун хлопнул ладонями снова – и клинок исчез так же внезапно, как появился.

– Ты debil?! – торопливо ощупала себя богиня смерти. – Я чуть не обосралась!

– Извини, но я должен был доказать вам, что колдовство существует.

– Я это и так знаю, даун! – Валентина оттянула ворот, заглянула себе под футболку. – Я ведьма, я умею видеть мертвых, высасывать души живых, вызвать призраков, развеивать демонов и еще целую кучу всякой подобной фигни.

– Тогда немного теории, – предложил Степан. – Как выяснило в последний век наше братство, геном всемогущего Сварога эффективен только и исключительно в своем полном комплекте. Однако ген, позволяющий накапливать энергию, рецессивный. Ген, позволяющий ею управлять, уже другой, и тоже рецессивный. Подавлять волю позволяет рецессивный, преобразовывать структуру материи тоже рецессивный... Ну, и так далее полтора десятка выявленных геномов. Причем поодиночке эти гены бессмысленны, а иногда даже вредны. Могут приводить к самовозгоранию или произвольному созерцанию мира мертвых вместо мира живых. Есть и доминантные «магические» геномы, такие

как предвидение, способность к ментальной связи. Поэтому пророчествовать и чувствовать близких на расстоянии способно большинство людей. А вот перемещаться с помощью зеркал или менять погоду – считанные единицы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.